Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ИЗ ИСТОРИИ КУРЕНИЯ

— Ну когда же ты нам огоньку-то добудешь?!.

МАТРИАРХАТ

МЕСТО ДЛЯ КУРЕНИЯ

ЕГИПЕТСКИЕ ПИРАМИДЫ

У НАС НЕ КУРЯТ!

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

МИРАЖ В ОКЕАНЕ

КАЗБЕК

СМЕРТЬ РЫЦАРЯ

— Эй, стрелец, у тебя сигаретку нельзя ль стрельнуть?

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

КРОКОДИЛ

ДАЕТ ПРИКУРИТЬ

№ 29 ● ОКТЯБРЬ 1974

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

С чего начался этот номер

Возможно, есть среди читателей и те, кто думает, что специальные номера рождаются в результате случайного наития или счастливой мысли, которая однажды ненароком постучится в чью-то голову. Например, так.

— Э-э,— говорит один сотрудник другому,— я вот о чем подумал... Не выступить ли нам против курения, как вредной привычки!

— Э-э,— отвечает другой,— тут что-то есть. Может быть, даже стоит посвятить данной теме целый номер!

И номер состоялся.

Но так, к счастью, не бывает. Тогда как же! А бывает совсем, совсем по-другому.

Приходит из экспедиции курьер Таня, высыпает на стол из бумажного мешка письма и сильно кашляет.

— Что с тобой, Таня! — спрашивают ее.— Уж не грипп ли!

Таня отрицательно машет рукой и заходится в кашле еще сильнее.

— Это у нее, вероятно, от простуды,— замечает кто-то из любителей походя ставить диагнозы всем больным и здоровым.

Страдалица еще энергичнее машет рукой и наконец, с трудом откашлявшись, говорит:

— У меня это не от простуды, а от табака.

— Как! Ты куришь!!

— Не я, а они,— отвечает Таня и протягивает нам письмо из города Читы.

Читаем, что на этот раз приготовил нам читинский читатель.

А он приготовил сообщение о чрезвычайно широко развитой и разветвленной торговле одним предметом домашнего обихода. А именно — табаком.

«Было время,— пишет читатель,— когда табачные изделия продавались в ограниченных местах, в специальных торговых предприятиях. Сейчас табаком торгуют везде. Начиная от продовольственных магазинов и газетных киосков и кончая почтовыми отделениями и школьными буфетами».

От этого факта наш читинец идет дальше.

«У меня складывается впечатление,— пишет он,— что сейчас у нас курят все и курят везде. Курят взрослые, молодые и даже дети. Курят штатские и военные. Курят на работе, в учреждениях, на отдыхе, в поездах дальнего следования, электричках, курят в гостях и курят дома. Курят на улицах. Сейчас улицы так задымлены, что я, прежде чем идти, определяю направление ветра и решаю, по какой стороне улицы двигаться, чтобы избежать дыма».

Автор, вероятно, уже пожилой товарищ, недавно провожал в последний путь близкого человека, ему пришлось пойти в собор. «Я не верующий,— пишет он,— но меня приятно удивила дисциплина в церкви. О курении здесь даже и подумать нелепо. А ведь там стоят курильщики и молятся по нескольку часов. Значит, можно подождать, потерпеть».

Автор спрашивает, неужели надо ему на склоне лет из атеиста превращаться в верующего, чтобы искать убежища от курильщиков и табачного дыма под сводами храмов божьих.

Но, может быть, такое преувеличенно острое восприятие «дымка от папиросы», как весело поется в одной песне, свойственно только людям пожилого возраста! Оказывается, нет.

В почте, доставленной Таней, мы нашли письмо, которое приводим почти полностью:

«Уважаемая редакция!

Я работаю в Вяземском объединении «Транссельхозтехника» Хабаровского края на станции технического обслуживания. В комнате, где я сижу, повесила табличку «Просьба не курить», но не все обращают на нее внимание. Однажды вошел мужчина с папиросой во рту и сел около меня. Я сделала ему замечание, чтобы он тут не курил. Вот что он мне ответил:

— Не нравится — выйди отсюда, мала еще учить (мне 18 лет, я в этом году техникум окончила). Поработай здесь лет десять, тогда и приказывать будешь.

Я здесь работаю всего один месяц и мало кого знаю. Потом мне сказали, что это был Маловичко Иван Степанович, инженер-комплектовщик.

Я до того была удивлена, что не нашлась, что ему ответить.

Ну, и что из того, что я молодая и работаю мало! Значит, я должна сидеть в дыму и каждый раз выходить из комнаты, когда кто-нибудь зайдет покурить!

И потом это был не приказ, а просьба.

С уважением Нина».

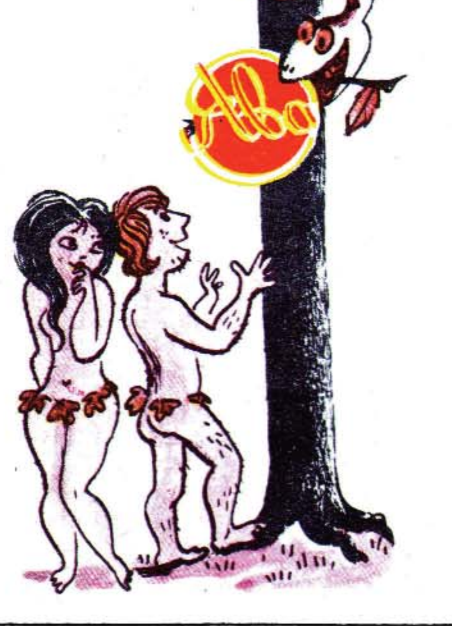
Далее Журова Нина спрашивает нас, что ей делать. Ждать, когда постареет и получит право на уважение курильщиков или, не дожидаясь этого, закурить самой!

Так авторы писем из Челябинска и города Вяземский, Хабаровского края, своими каверзными вопросами, выражаясь по-боксерски, загнали нас в угол. А на столе лежали другие письма, с подобными же вопросами, на которые тоже надо было отвечать.

Мы поблагодарили Таню за ее скромный труд, посоветовали выпить на ночь теплого молока с содой, а сами, разобрав письма разошлись по комнатам и принялись за работу.

Так состоялся специальный номер: «Крокодил» дает прикурить».

Теперь это уж точно!

АДАМ И ЯВА

Рисунок К. НЕВЛЕРА

Андрей НИКОЛЬСКИЙ

ГДЕ УБИВАТЬ ЛОШАДЕЙ?

Здоровье — оно важней всего, и потому на медицинскую пропаганду денег жалеть не приходится. Для себя же стараемся.

Вот брошюрка о вреде курения: капля никотина убивает лошадь. Вхожу в больницу — плакат: капля никотина убивает лошадь. И для пущей наглядности две картинки. На одной — этикетка от папирос «Казбек»: мчится всадник по горным вершинам. На другой — валяется та же лошадь на фоне тех же вершин. Отбросила копыта.

И почему-то далась нам именно лошадь. Небось, думаю, у экспериментаторов под рукой слона не было. А может, пожалели носатого. Потому что результат был бы такой же. Уж очень зловредная штука этот никотин.

Один только человек, двужильное создание, может никотином наслаждаться. Кашляет, перхает, уж позеленел весь, а все равно наслаждается. На то он и человек — царь природы и всех зверей.

А лошадь, думаю, она бесхитростная скотина. Сожрет, небось, сдуру эту каплю за один присест и сдохнет. А человек, хитроумное создание, удовольствие растягивает и привыкает. Дымит не спеша, чтобы и на работе, и дома, и в электричке, и в фойе было чем атмосферу загадить. И поэтому умирает не сразу, а немножко погодя.

Вот такие приятные мысли навевают брошюры и плакаты о вреде табака. И если кто думает, что после такой агитации трудно бросить курить, тот, конечно, ошибается. Тут не захочешь, да бросишь.

Однако бросить легко, да отвыкнуть трудно. Потому что соблазны кругом.

На работе, например, против меня сидит начальник. Во рту у него сигарета, а сзади меня форточка. И сигарета достается не столько ему, сколько мне. Инспектор с одного боку курит сигары, инструктор с другого — самосад. И к обеду в конторе такое облако, что чернильницы не видать. Макаешь в пепельницу. А машинистка, ангел некурящий, вообще высовывается наполовину в окно и печатает слепым методом. Так и живет разделившись: половина — в конторе, половина — на улице. Ее из-за этого даже хотели посадить на полставки, только местком заступился.

А я, значит, не выдержал и пошел спасаться. Смотрю — в красном уголке собрание. Может, думаю, хоть тут есть немного кислорода. Не весь выкурили. Захожу. Кислород не кислород, но докладчика разглядеть еще можно. Только делаю глубокий вдох, сосед вынимает трубку и начинает устанавливать дымовую завесу. За ним другой, потом третий... Гляжу — не то что докладчика, а соседей, и тех не видно.

— Вы бы,— говорю,— мужики, полегче курили.

— А сам-то,— спрашивают,— давно бросил? Небось, уже часа три прошло?

— Да,— говорю,— три не три, но пятьдесят семь минут не курю. А пачку еще раньше выбросил.

— Небось, уже и не тянет?

— Почти отвык,— говорю,— да вы тут со своими папиросами... Разве бросишь?

И на этом фоне возникает вопрос: а как же страшная капля, которая убивает лошадь? Неужели она никого не пугает? Ведь в просветительских брошюрах перечислены всякие органы, которые поражает никотин, и написаны прочие страсти.

Надо сказать, что никто из курящих про эту каплю не думает. Он внимает другому. И хотя считается, что у нас табачные изделия не рекламируются, эта форма торговли и является самой убедительной и призывающей рекламой.

Впрочем, есть и реклама. В городе Резекне, Латвийской ССР, недавно появились объявления:

В киоски «Союзпечать» поступили табачные изделия такие-то и такие-то, по такой-то цене. Покупайте папиросы!

А с каплей никотина курящий гражданин встречается в сто раз реже. Разве что в поликлинике, где часок-другой поскучает в очереди к терапевту. Или когда совершенно случайно заглянет в медицинский отдел книжного магазина.

И я бы отметил еще одну любопытную особенность этих изданий. Брошюры, направленные против алкоголизма или табака, всегда поражают какой-то робостью и неубедительностью приводимых в них примеров. Вот перед нами брошюра кандидата медицинских наук Плавинского о вреде пьянства под названием «Большое зло». Подтверждая эту бесспорную истину, автор опирается на исследования, проведенные во французской армии, да еще находящейся на территории Африки. Нет, вы только вдумайтесь, уважаемые читатели! В России убедительных примеров просто не нашлось, и автору пришлось отправиться за ними в Африку!

Профессор Банщиков в брошюре «Курить вредно» сообщает, что в Англии перед второй мировой войной курили 81 процент мужчин и 39 процентов женщин. «Примерно такая же картина,— говорит автор,— наблюдалась во Франции, Германии и Америке».

А что делается у нас под боком, так и остается неизвестным.

Доктор медицинских наук Косяков опять же приводит данные, что в Англии (на 100 смертных случаев в целом) от болезней органов дыхания умирает некурящих 10, а курящих — 16 человек.

Одним словом, все эти страсти происходят где-то за тридевять земель да еще в странах капитала. И у нашего курильщика всегда остается смутная надежда, что его-то лично это не коснется. Как-то вся эта пропаганда медицинских знаний делается без души, по трафарету, наподобие штампованных объявлений «Курить воспрещается», которые давно никто не замечает.

И в нашей комнате такая табличка висит, только из-за дыма ее не видно.

Нет, я думаю, тут надо придумать что-то новое, оригинальное, чтоб дошло до людей и тронуло их зачерствевшие души.

Сел и сочинил такое объявление:

«КАПЛЯ НИКОТИНА УБИВАЕТ ЛОШАДЬ. ПРОСЬБА УБИВАТЬ ЛОШАДЕЙ В КОРИДОРЕ».

А перечитал — и ужаснулся. Опять эта капля! Как же, думаю, эта истрепанная, изжеванная деталь сюда влезла? Видно, въелась она в меня намертво, а избавиться от таких штампов — ох, нелегко! Труднее, чем от папиросы.

Сергей СМИРНОВСКИЙ

Резервы

У Горохова Егора
Много тем для разговора —
Он весь день резервы ищет.
Мыслей у Егора тыщи:
— Надо нам внедрить две смены,
Применять лучи рентгена,
Чтоб просвечивать металл,
Заменить на сборке вал,
Не выбрасывать опилки...—
Все твердит Егор в курилке:
— Надо, надо, надо...
Тщетно ждет его бригада.
По три пачки «Беломора»
В день выходит у Егора.
Коль отыскивать резервы,
То средь них Горохов — первый!

г. Ленинград.

— Итак, я ваш новый начальник. Курите?

— Теперь буду!

Рисунок Б. САВКОВА

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Вполне документальный фельетон

Стояла темная ночь. Где-то совсем рядом, в лесу, выли голодные волки. Молодой месяц вздрагивал от февральского мороза.

На дороге появились три неясные тени. У них под ногами тревожно захрустел снег.

— Ну и погодка,— негромко сказала первая тень женским голосом и икнула.— Холод собачий. У меня душа застыла, Карякин.

— Где? — спросила вторая тень, которую назвали Карякиным.

— Что где?

— Где она застыла?

— В теле. Я не могу больше. Согрей мое сердце, Карякин.

— Спеть, что ли? — снова не поняла вторая тень.— Я могу.

Карякин откашлялся и заорал:

«Ой, мороз, мороз, не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня...»

Волки в лесу испуганно затихли.

— Глупый ты,— передернулась первая тень.— Мне от твоего голоса еще холодней стало. Ты по-другому меня согрей. В нутре чтоб горячо стало, ну?

Карякин понял и вздохнул:

— Где ж я тебе теперь водки достану? Со свадебного стола-то взять не догадались...

— Это точно...

Некоторое время они топали молча.

— Э-э,— сказала вдруг третья тень, которая до сих пор лишь молча выписывала ногами нездешние геометрические фигуры,— у меня вить ключи есь. От магазина. Пшли, а?

— Пшли,— одобрили остальные.

Они отперли двери сельмага. Карякин включил электроплитку и стал жарить на ней консервированное мясо. Закурили. Разлили по стаканам. Чокнулись. Опрокинули. Снова разлили. Снова опрокинули.

Никто не заметил, как чей-то окурок покатился на пол...

Из материалов Главного управления пожарной охраны МВД СССР:

«...в результате неосторожного обращения с огнем при курении, по вине граждан Карякина П. И., Лапшиной М. К., Цымбряевой С. В. произошел пожар. Сгорел магазин и часть товарно-материальных ценностей. Ущерб — 28 740 рублей (с. Феклисово, Теньгушевского района, Мордовской АССР)».

(Продолжение следует на стр. 4)

Игорь МАРТЬЯНОВ

Решил ее я бросить...

Я с нею прожил тридцать лет
И так к ней привязался,
Что без нее бы белый свет
Не белым мне казался.

Вот так и дальше б жил я с ней.
Но в мире все непрочно.
И становилось все ясней:
Она небеспорочна!
И хоть не юные года,
Хоть в волосах уж проседь,
Бесповоротно, навсегда
Решил ее я бросить.

И не курю уж двадцать дней,
Таков финал победный.
...И вам пора б расстаться с ней,
Привычкой этой вредной!

г. Иваново.

Андрей КУЧАЕВ

Рассказ

ОЧЕВИДНАЯ ПОЛЬЗА

Эти слова на афише были выведены крупно, а чуть ниже значилось: сюрприз-доклад с участием четвероногого.

Обычно наших сотрудников на доклад не затащишь. На такое же клюнули все, да еще некоторые позвонили по телефону, вызвали своих близких.

В семь часов наш актовый зал переполнился. В семь часов пять минут наш Василий Васильевич призвал к тишине, и в зал верхом на лошади въехал докладчик. Он проскакал по проходу, запрыгнул с конем на сцену и спешился. Даже скептики разинули рты. Докладчик заговорил: «Дорогие друзья, должен вам заявить со всей ответственностью, что курение приносит не вред, а, наоборот, одну пользу...». Зал оживился и затих.

«Все доклады начинаются с избитой басни о том, что капля никотина убивает лошадь. Прошу покорно видеть...»

Докладчик достал пузырек, пипетку, набрал из пузырька жидкости, капнул на черную горбушку, присыпал ее солью и отдал лошади. Лошадь с видимым удовольствием съела.

«Видите? Я только что дал скотине каплю никотина, и хоть бы хны! Все без обмана, желающие могут попробовать — в пузырьке чистый никотин».

Пузырек пошел по рядам. Люди трясли пузырек перед глазами, нюхали, пробовать, правда, не решались.

«Итак, разобьем еще один миф. Честного, простого курильщика запугивают: никотин, содержащийся в пятидесяти сигаретах, смертелен для человека! Прошу покорно!»

Докладчик высыпал в специальный сосуд пятьдесят сигарет, растолок, подверг горячей возгонке, собрал никотин, капнул на бутерброд, съел его и запил водой из графина.

«Итак, еще этим одним мифом на земле стало меньше. Далее. Принято утверждать, что курение повышает утомляемость, ослабляет умственную деятельность и притупляет память. Сейчас вы убедитесь в обратном».

Докладчик отжался на полу пятьдесят раз, сделал пятьдесят приседаний, рассказал наизусть поэму Лермонтова «Мцыри», отрывок из «Накануне» Тургенева и лирическое отступление из Гоголя «Чуден Днепр» и пр. После этого он попросил присутствующих предложить ему любые числа для любых математических действий. Таким образом по просьбе слушателей он извлек корень из семизначного числа и прологарифмировал натурально два пятизначных.

Лошадь по желанию собравшихся проделала несколько арифметических действий однозначными числами.

«Что же касается пользы курения, то она очевидна...»

Тут докладчик побледнел, слегка пошатнулся и сел. Зал встревожился. Лошадь докладчика неожиданно встала на колени, потом у нее подогнулись задние ноги, и она пала прямо на сцене. У докладчика начались судороги.

— Надо вызвать «Скорую»! Василий Васильевич, чего же вы?! — послышались голоса из зала.

Наш Василий Васильевич побежал вызывать «Скорую». Около докладчика уже суетились женщины с нашатырем.

«Скорая» появилась на удивление скоро. Скорая ветеринарная чуть припоздала.

Докладчику дали кислород, сделали укол, и его унесли санитары. Лошадь коновалы спустили на веревках из окна. На сцену вышел какой-то мужчина в коричневом костюме. Он снял очки в золотой оправе, протер их и обратился к собравшимся:

«Дорогие друзья, сейчас вы наглядно убедились в том, что капля никотина таки убивает лошадь, а яд из пятидесяти сигарет на ваших глазах чуть не погубил предыдущего оратора. О какой пользе курения, с позволения сказать, может идти речь?!»

Возбужденные слушатели согласно зашумели.

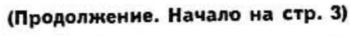
«А сейчас позвольте вас поблагодарить за внимание, пожелать вам бросить поскорее курить, а также успехов в работе и счастья в личной жизни. Доклад окончен».

Мужчина в коричневом костюме сошел со сцены, прошел через безмолвный зал и скрылся.

Результат доклада оказался внушительным. В нашем институте после сюрприз-доклада из семисот семидесяти семи курящих бросило курить целых семь. Представьте только! А если бы докладчик привел с собой бегемота?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

(Продолжение. Начало на стр. 3)

Письмо гражданина Л. своему другу.

«Здравствуй, Петюнчик!

Прости, что долго не писал тебе, но сам знаешь, некогда. В семье у меня все нормально. Клава жива-здорова, Шурик пошел в третий класс. Словом, все хорошо, если не считать того, что я слегка обгорел. Дело было вот как.

В конце месяца, числа так 27 февраля, вскочил я с постели посреди ночи от страшного крика. Выбежал на крыльцо в одном исподнем и вижу: батюшки вы мои! Телятник наш полыхает, как костер, на котором сгорел всем известный Джордано Бруно. Ну, он-то хоть за идею погиб, а наши животные за что?

Словом, прямо босиком кинулся я пожар тушить. Многие из наших — тоже, кое-что спасли, но мало. Я волосы себе опалил, пришлось наголо постричься, а то все смеялись.

Милиция, которая приехала на место пожара, установила, что все загорелось от окурка. Поймать бы этого курильщика да дать по шеям! Так руки и чешутся.

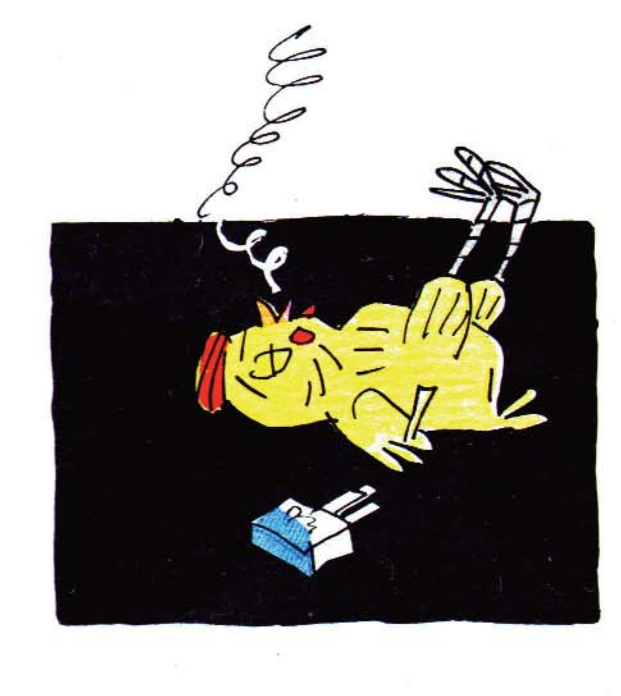
Ну, бывай здоров!

Твой Л.».

Официальная справка:

«...в совхозе «Архаринский», Архаринского района, Амурской области, сгорел телятник, погибло 161 животное. Ущерб — 27 322 рубля».

(Продолжение следует на стр. 7)

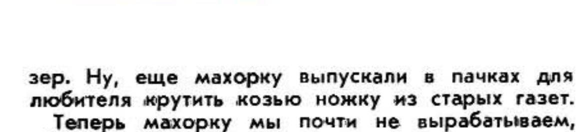
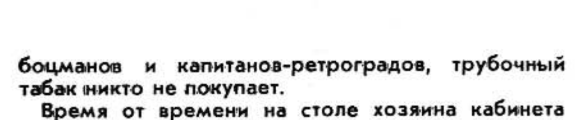

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

А. ХОДАНОВ, специальный корреспондент Крокодила

НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Оказавшись в коридоре роскошного высотного здания на проспекте Калинина, здания, одетого в гранит, мрамор и пластик, вооруженного кондиционерами, скоростными лифтами, с высоченными, как в седую старину, потолками и сувенирными видами на красавицу столицу, я вдруг с тревогой подумал о том, что благополучие и процветание крупнейшего табачного учреждения страны эфемерно и зависит всего лишь от личного желания моего соседа Кима Прокофьевича и его коллег по данному пороку. Ну, скажем, проснувшись однажды, Ким Прокофьевич решил навсегда порвать. Купил вместо сигарет «Прима» карамель «Взлетную» и зажил себе спокойно с былым румянцем на желтых щеках.

Все! Заплесневели и усохли тюки табака, прибывшего с плантаций! Остановились и заржавели табачные машины на одноименных фабриках! Закрылись навечно табачные киоски! Замолкли навсегда телефоны и селекторы в «Главтабаке»! Перековываются пепельницы на блюдца и вазочки для варенья...

Словно прочитав мои мысли, начальник управления «Главтабака» Владимир Александрович Холостов спокойно посмотрел на меня сквозь толстые стекла очков и скупо сказал:

— В этом году мы выпустим всего 373 миллиарда штук папирос и сигарет, что по отношению к 1970 году составит 115,5%.

— А сколько же было в семидесятом?

— Поменьше. 323 миллиарда.

— Но может быть, в семьдесят первом спрос уменьшился? — произнес я с надеждой.

— В семьдесят первом мы выпустили уже 334 миллиарда. В семьдесят втором — 348, в семьдесят третьем — 362,7, без малого на три миллиарда выше плана.

И тогда я понял, что страхи мои по поводу эфемерности табачного дела абсурдны. От сердца у меня отлегло.

«Табак вечен! — с какой-то тревожной радостью подумал я.— И вечен курильщик. Это факт».

Не отлита еще пуля, которая могла бы пробить броню незыблемости его величества Табачного изделия! Мы уже ходим на платформах, но курим трубку, конфигурация которой аналогична той, которую уронил в бурьян рассеянный от невзгод Тарас Бульба. Что же до конфигурации папирос, то если вам за тридцать, вы наверняка помните названия «Памир», «Спорт», «Турист». Увы, их больше никогда не будет, этих мелкокалиберных папирос, которые курильщик окрестил ласковым именем «гвóздики». И дело совсем не в том, что по поводу названия ворчали туристы — покорители вершин, а газета «Советский спорт» внесла официальный протест! Просто всеобщая акселерация задела и папиросу. Удлинился мундштук, увеличилось количество набиваемого в него табака. Папироса стала увесистее, внушительнее.

Итак, мы сидим в просторном кабинете на четырнадцатом этаже и сравниваем цифры.

— А ведь что было перед войной...— усмехается Владимир Александрович.— Странно слышать... Какой-то детский лепет. Сто миллиардов слабеньких папирос. Ввозили тогда совсем мизер. Ну, еще махорку выпускали в пачках для любителя крутить козью ножку из старых газет.

Теперь махорку мы почти не вырабатываем, ибо махорка — шаг назад, в темноту отсталости. Что такое махорка по сравнению с тем же «Филиппом Моррисом»? Посконная рубаха перед вечерним платьем из гардероба фирмы Диор. Курят ее теперь только некоторые лесорубы, да и то из-за бородатого пижонства и ложных традиций.

И табак для трубок уже на издыхании. Его уже почти и не видно. Кроме нескольких отставных боцманов и капитанов-ретроградов, трубочный табак никто не покупает.

Время от времени на столе хозяина кабинета заливается один из телефонов, а то и несколько. Нет, не все гладко в табачной промышленности, и у Главного табачника свои заботы. Не хватает, очень не хватает бумаги. Неважно с целлюлозой. Перебои с фильтрами...

Мы говорим с начальником «Главтабака» о самом сокровенном и таинственном. О материях и фактах, под влиянием которых может затуманиться сомнениями голова и подорвется вера. Ну, например, о том, что чем выше сорт сигарет, тем меньше в них никотина, но тем не менее они более вредны.

И что если уж говорить о вреде, то неизвестно еще, что вреднее: сигареты с никотином или без. Существует мнение, что те, которые «без», вредней намного, но и опять никто толком этого не знает. Посему и заметной тенденции к выпуску так называемых «безвредных» сигарет у нас пока нет.

Что курильщик с полувековым стажем, горделиво сосущий неизменный ленинградский «Беломор» и ничего больше, смешон и наивен, так как состав нынешнего сорта папирос этой известной марки совсем иной, нежели тех, довоенных лет. Изменились районы сбора табака, изменился его состав, стала другой технология...

Во время беседы в кабинет заходят сотрудники и кладут на стол сводки, отчеты, справки. Табачная жизнь, естественно, бьет ключом. Одна из бумаг, похожая на простыню для двуспальной кровати, меня очень заинтересовала. Название ее, скажем прямо, было более чем интригующим: «Потребление курительных изделий на душу населения по экономическим районам и союзным республикам СССР (штук)».

— Можем вам ее подарить,— улыбнулся Владимир Александрович,— у нас секретов нет.

Я рассматриваю сводку, и в глаза бросаются красноречивые загадочные цифры, объяснить которые не может пока никто.

Знаете ли вы, что на душу эстонца приходится 2 169 сигарет, а на душу таджика — 567? Эстонец олицетворяет максимум, таджик — минимум. Или что белорус располагает 1 443 сигаретами, а житель самой табачной республики Молдавии — 977? Думаете, в солнечной Грузии, этой древней стране самого качественного табака, так уж много и курят? На душу грузина высыпается 1 379 сигарет, тогда как на жителя дождливой Калининградской области — 1 999!

До чего же обогатилась моя скудная табачная эрудиция! Так, я узнал о том, что табак, оказывается, выращивается у нас в десяти республиках (исключая прибалтийские республики, Белоруссию и Туркмению)! А табачные изделия производятся в четырнадцати союзных республиках, исключая ту же Туркмению. Это очень любопытно, хотя и необъяснимо, но отсутствие плантаций и фабрик позволяет туркмену сохранить здоровье, удерживая в «подушной таблице» одно из последних мест: 762 сигареты. С благоговением узнал я еще о том, что одна машина на фабрике «Дукат» способна выдавать 7 200 сигарет в минуту, что в стране выдают на-горá сигареты и папиросы 54 табачные фабрики, из которых Ленинградская фабрика имени Урицкого есть флагман и линкор. Что статистика «на душу населéния» точна, как $2 \times 2 = 5$, потому что имеет в виду все население, включая грудных младенцев и глубоких стариков.

Я представил себе, сколько сигарет приходится на прокопченную душу настоящего курильщика-профессионала, и в глазах у меня помутилось. После чего мне оставалось только поблагодарить за внимание и попрощаться.

Я на цыпочках уходил из Главного управления табачной промышленности, преисполненный чувства уважения к этому мощному учреждению. Вопрос «Как бороться с курением?» казался мне теперь беспомощным и ненужным.

Ну да, кое-как борются. Вялые лекции, редкая радио-, теле-, кинопропаганда. Отдельные скучные статьи.

«Что же делать?» — думал я, присаживаясь на скамейку под облысевшим по причине осени топольком и распечатывая пачку злых кубинских сигарет.

«Что же делать?»—продолжал лихорадочно думать я, прикуривая от зажигалки. Тысяча решений роилась в голове, поражая воображение унылой бесперспективностью, пока вдруг меня не осенила простая, как правда, мысль:

НАДО БРОСИТЬ КУРИТЬ!

Бросить — и все!

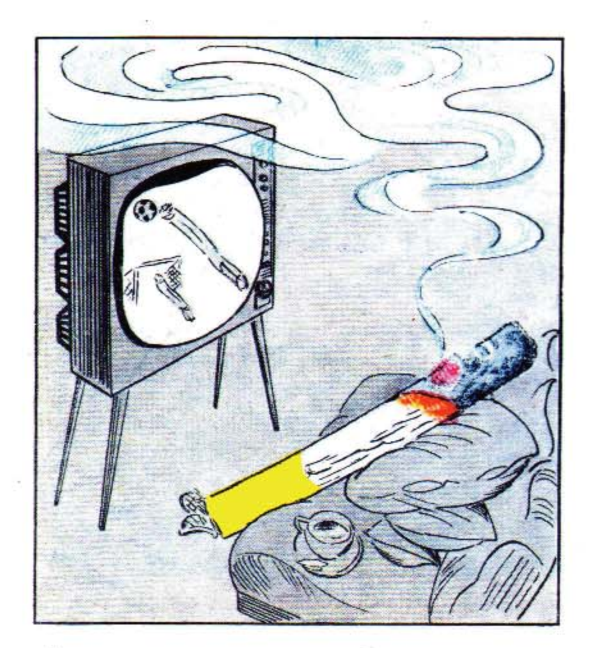
Я погасил сигарету о подошву, совсем как молодой Чарли Чаплин в своих знаменитых кинокартинах. На душе вдруг стало легко, как у тонущего, объективно оценившего возможности соломинки. Тут же я уничтожил и «соломинку», дабы не ухватиться в безнадежной отчаянности: размял в пальцах и высыпал в урну к большому неудовольствию выгуливаемого спаниеля, остатки злых сигарет.

Жалко было, конечно, симпатичного Владимира Александровича, ибо то, что сделал я, дружеским актом по отношению к его ведомству назвать нельзя.

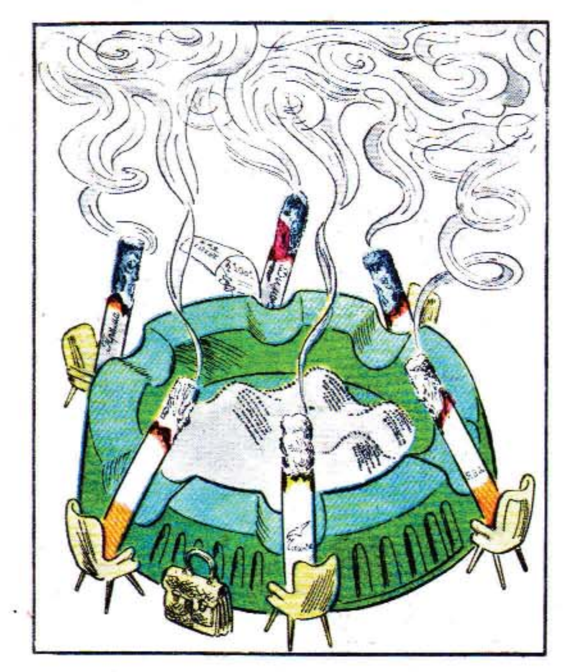
Одно только утешало меня: гостеприимный руководитель «Главтабака» еще шестнадцать лет назад сделал то же самое. Прочно и бесповоротно. И единственное, что напоминает о курении в кабинете заведующего табачными делами страны, так это только очередной образец — пять сиротливо пустых бумажных мундштуков, лежащих на краю стола...

М. БИТНЫЙ

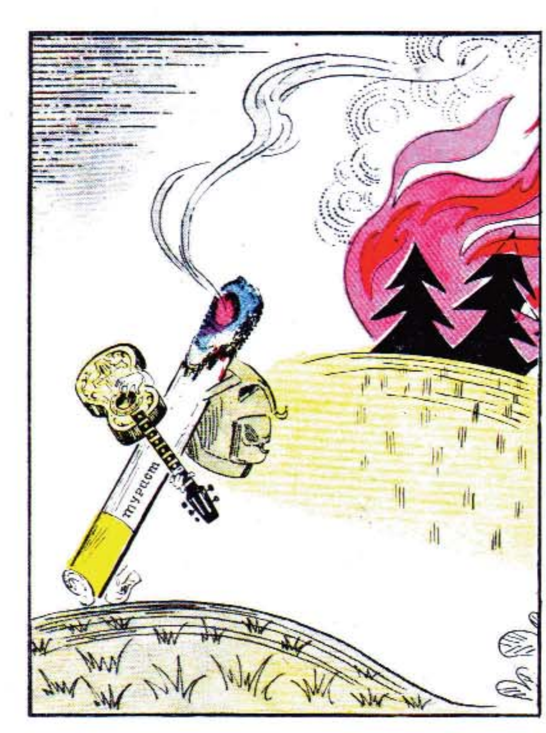
ИЗ ЖИЗНИ СИГАРЕТ

Дымосед

Совещание

«Мой костер в тумане светит...»

Е. ЦУГУЛИЕВА, специальный корреспондент Крокодила

С ПАПИНОЙ ПАПИРОСКИ...

Шумной воробьиной стайкой несутся по улице мальчишки в школьной форме. Кончились занятия, и они спешат домой.

Но вот возле одной подворотни останавливаются.

— Фантик! — командует один, веснушчатый, точно ситец в горошек.— Бобка! Закручивай!

И они ныряют в подворотню. Тот, что с лицом в горошек, достает коробок спичек.

— И зачем детям разрешают играть со спичками! — говорю я. — Еще беды наделают, пожар устроят.

— Не-ет,— говорит прохожий.— Не устроят. Это у них перекур. Покурят и пойдут по домам.

— Бывает,— говорит директор архангельской школы № 1 Леонид Михайлович Вешняков. — Такой дисциплины, как преподавание курения, нет. Но курящие во всех школах есть. И в нашей тоже.

— Но как вы разрешаете?

— Разрешаем? — возмущается Леонид Михайлович.— В школе ни один не курит. А выйдут из школы, начинают... Да вы сходите в детскую комнату милиции! Они там лучше все это знают.

...И вот я в детской комнате Октябрьского отделения милиции.

— Как, по-вашему, с какого класса дети начинают курить? — спрашивает меня сотрудник милиции Нина Григорьевна Дунаева.

— Ну... с шестого,— солидно отвечаю я с видом знатока.— Двенадцат' лет паршивцу, а он уже забавляется табачным зельем.

Нина Григорьевна внимательно смотрит на меня, а потом тихо говорит:

— А с первого класса... не хотите?

— Но не родится же мальчишка с сигаретой в зубах! С чего и как он начинает?

— А вы поговорите с ними — узнаете...

Чистенький, светлоглазый, круглолиценький мальчик. Это Слава Щ., ученик 6-го класса «Б» школы № 1. С виду вполне хороший, вежливый и словоохотливый. А между тем Слава — курильщик. Нет, он не сирота и не беспризорный. У него мама Александра Афанасьевна, работает в медицинском учреждении. Папа, Николай Федорович, тоже очень занятой товарищ. И тоже в медицинском учреждении. Лечится от пьянства.

— Слава, а с чего ты начал курить? Кто дал тебе первую папироску?

Без раздумья, с открытой детской улыбкой Слава отвечает:

— Мой братик Коля. Зашел я в кухню, а он там дымит. На, говорит, потяни. Я и потянул.

И с легкой родственной руки братика Коли Слава «тянет» и до сих пор.

— А где ты берешь деньги на сигареты?

Слава дивится моей несообразительности.

— Мать на обеды дает.

— Так, значит, ты не обедаешь? Голодаешь? Дымом питаешься?

— Почему? Я кушаю. Покупаю пирожки по шесть копеек, три штуки. Остальное на курево.

Мне рассказали, что Слава покуривал не только с братом, но и с отцом. И не только покуривал. Были случаи, когда папа и два сына выпивали втроем. И папаша гордо говорил:

— Настоящие мужики растут!..

Эх, этого бы папу...

* * *

Совсем не похож на Славу Миша К., из 5-го класса «Б» той же школы. Худющий, бледный до прозелени. Глядит исподлобья. Отвечает нехотя. Однако все же поведал, что мать, Зинаида Кирилловна, работает уборщицей, отец, Иван Васильевич,— рабочий СМУ, сейчас где-то в колхозе асфальт укладывает. Дома вообще бывает редко.

— Кто научил тебя курить?

Ответ был совершенно неожиданным:

— Славка.

Вот так. Славку научил его брат. В свою очередь, Славка поделился опытом с закадычным дружком, соседом по двору. Со Славкиной папиросы начался курильщик Миша К. Деньги он тоже берет из «обеденных». Что курить вредно, знает, читал в журнале «Здоровье».

— Почему же не бросишь?

— А я, может быть, еще и брошу,— великодушно говорит он. И внезапно добавляет: — Да я уже и бросил. С неделю как.

Это, мягко говоря, побрехушки. Курил он и сегодня и вчера. Но соврал, чтобы скорее от него отвязались.

Отвязались. Убежал с облегчением. Даже повеселел...

Раньше школа могла следить за детьми постоянно. При домоуправлениях были пионерские комнаты, работали в них школьные кадры — воспитатели. Они ходили по квартирам, беседовали с родителями, привлекали детей в разные кружки, спортивные и художественные. Курящих учеников тогда было куда меньше.

Что же изменилось? Куда делись эти комнаты?

А никуда не делись. Существуют. Но только какой-то остроумец придумал передать их в ведение... горкомхоза.

Не будем хулить горкомхоз. Это, безусловно, нужное и полезное учреждение. И начальник домоуправления № 11 товарищ Сазонов, которому передали пионерскую комнату школы № 1, безусловно, деловой человек. Раньше он возглавлял трест очистки и делал это неплохо. Но уж очень далека дистанция: очистка города от мусора — и чистота ребячьих душ. Разные это категории.

А теперь дети (не все, но очень многие) во внешкольное время предоставлены сами себе.

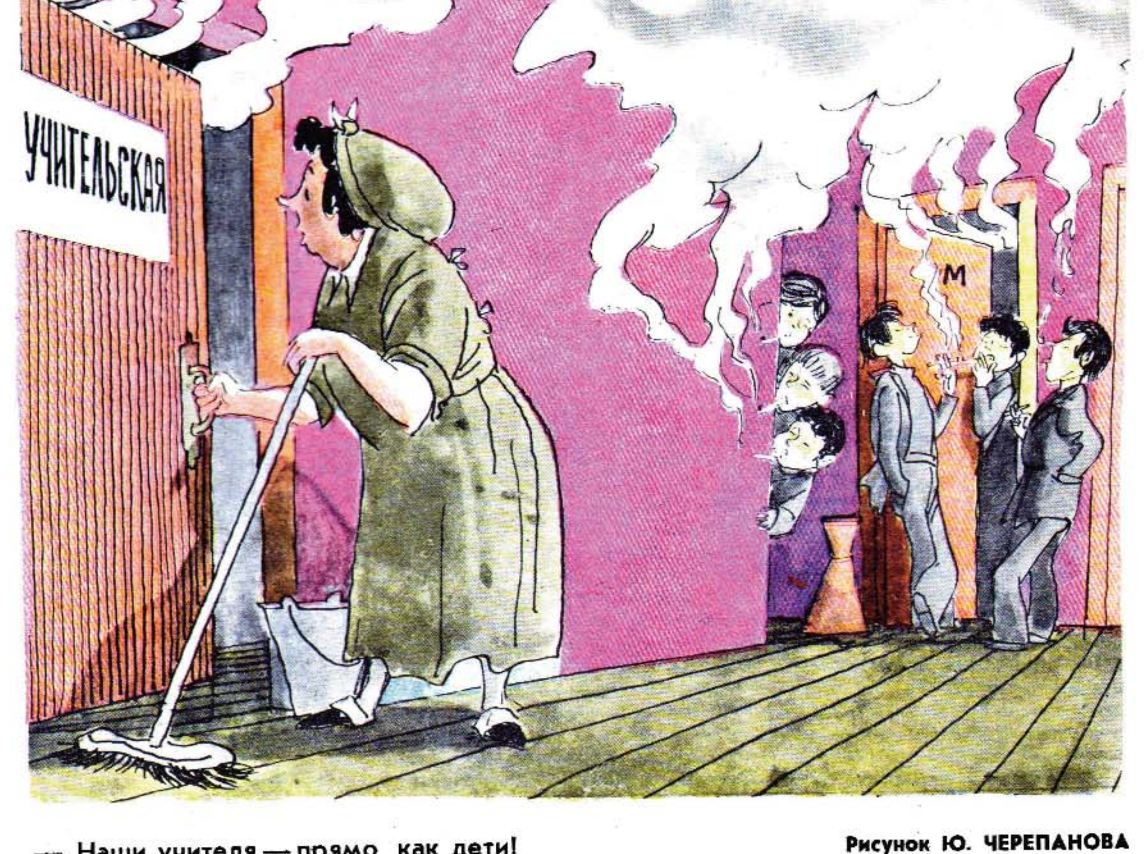
...Улица Шубина, 34. Здесь живет семья С. Двое детей. Младший, Валера, совсем еще малыш-несмышленыш. Старшему, Саше, 14 лет. Отец-пьяница давно бросил семью. Недавно умерла мать. Мальчики остались на попечении бабушки. Тяжелое наследство!

— Санька у нас неблагополучен. Курит? Да изо рта не выпускает! Откуда взялось? Уж очень добрые соседи: то один, жалея сироту, сунет папироску, то другой даст докурить. Вот и приучили. Мужики сами детей портят.

...Улица Виноградова, 196. Здесь и отец не сбежал и мать жива. Но от этого судьба десятилетнего Бори не вызывает зависти. Ни черной, ни белой. Ибо он при живых родителях предоставлен сам себе. Им не до него. Ребята говорят, что Боря уже потихоньку покуривает. За папиросами ходить далеко ему не надо: дома валяются пачки с сигаретами. Отцовские.

— Курение детей — это двойное зло,— говорит сотрудница роно Фаина Антоновна Плетнева.— Оно губит и тело и душу ребенка. Никотин особенно вреден для неокрепшего детского организма, подтачивает его. Курящие ребята становятся болезненными, слабыми. Отсюда и частые их заболевания.

А второе — ведь папироска только первый шаг по дурной дорожке. Сначала ребята сбиваются в компании, чтобы вместе «подымить». Потом переходят к выпивке. «Обеденных» денег уже не хватает — начинаются кражи и вымогательство.

— Наши учителя — прямо как дети!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Правда, в городе ведется борьба за детей, но порой помощь приходит поздновато, когда ребенок уже испорчен. Испорчен отцом, который в виде особой милости сует сынишке «чинарик» и, любуясь, как тот пускает дым, гордо говорит: «Настоящий мужик растет!» Испорчен матерью, которая детям уделяет внимания меньше, чем кошке, и целиком передоверяет их «улице». А то и сами отцы-матери оказывают на детей тлетворное влияние. Старший сын давно нигде не работающей Валентины Григорьевой 18-летний Вадим, уже условно судимый, составляет компанию матери в кутежах. Когда начал курить, и сам не помнит...

Но, кажется, мы отошли от темы. Начали воспитанием детей — кончили воспитанием родителей. Вот куда завела нас нечаянно встреченная возле подворотни компания курящих мальчишек.

Считается, что фельетон должен быть написан смешно. Вам смешно, читатель? Нет? Мне тоже...

г. Архангельск.

С. БОДРОВ

КЛАВИНО

Тишкин стоял на обочине дороги и ждал попутной машины. В это утро он ходил по лесу и собирал грибы. И хотя грибов не нашел, он все равно был рад, что походил по лесу.

Тяжелый самосвал заскрипел тормозами и остановился.

— До города подвезете? — спросил Тишкин.

— Садись,— добродушно сказал шофер.

Шофер возвращался из дальнего рейса, ему хотелось поговорить.

— Грибы, что ли, собирал? — спросил он.

— Да, — сказал Тишкин, — правда, не нашел ничего.

— Этой осенью грибов мало,— сказал шофер.— А ты в городе живешь?

— В городе,— сказал Тишкин.

— Как, успеем до семи? — подмигнул шофер.— Ты там подскажи, друг, где остановиться.

— Где я живу, что ли? — спросил Тишкин.

— Да где вином торговля! — засмеялся шофер.

— А я не знаю,— тоже засмеялся Тишкин.— Я непьющий.

Шофер замолчал. Потом сказал сухо:

— Ну, закурить дай.

— А я не курю! — опять весело сказал Тишкин.

Шофер посмотрел на Тишкина и резко затормозил самосвал:

— А ну, вылазь!

Тишкин вылез.

— Давить вас таких надо! — высунувшись из кабины, сказал шофер.

— За что? — растерянно спросил Тишкин шофера.

Но тот уже рванул с места, обдав Тишкина грязью...

Тишкин жил один, было ему тридцать два года. Родом он был из деревни Васькин Бор, родители его умерли, когда он был совсем маленьким. Баловать его было некому.

Отслужив в армии, Тишкин окончил техникум и остался жить в городе. Был он блондин с темно-синими, прямо фиолетовыми глазами. Неплохой человек, только вот некурящий да непьющий.

Соседи несколько раз хотели женить его на своих родственницах из других городов, показывали фотокарточки. А одна девушка из Магадана и сама прилетала. Только ничего не получилось.

— Ну, выпьем, что ли, за знакомство? — громко сказала девушка из Магадана.

— Я не пью,— робко ответил Тишкин.

— Тоже мне мужик! — фыркнула девушка и улетела обратно в Магадан.

Так жил Тишкин, а работал он в конторе. Не клеилась у него личная жизнь, были неприятности и на работе.

В то утро начальник конторы вызвал его к себе в кабинет.

— Садись,— предложил начальник и придвинул пачку сигарет.— Слышал о тебе много хорошего, хочу назначить тебя старшим. Рад?

— Рад, конечно,— сказал Тишкин и отодвинул сигареты.

— Закуривай, не стесняйся,— сказал начальник и чиркнул спичкой.

— А я не курю,— сказал Тишкин.

— Не куришь? — удивился начальник.

— Не курю,— сказал Тишкин.

— А я курю! — с вызовом сказал начальник.— С четвертого класса.

Рассказ почти фантастический

СЧАСТЬЕ

— А чего в этом хорошего? — сказал Тишкин.

— Ну, ладно, Тишкин,— обиделся начальник.— Иди работай на прежнем месте. Повременим с назначением. Больно ты умный...

После работы Тишкин пошел домой, но вдруг вспомнил, что сегодня понедельник, что сегодня у него день рождения — тридцать два года стукнуло... «А никому я не нужен»,— грустно подумал он и решил пойти в ресторан, по-человечески отметить свой праздник.

— Мест нет! Обожди! — рявкнул на Тишкина швейцар и захлопнул дверь перед носом.

Тишкин ждал долго. Пошел дождь, и Тишкин промок до того, что стал кашлять.

А его все не пускали.

«Да что я, хуже всех?» — думал Тишкин.

В ресторане играла музыка, там пили и курили, было тепло.

— А ну, открой! — вдруг заорал Тишкин и дернул дверь.

Швейцар перетрухнул и тотчас отодвинул засов.

Тишкин ворвался в ресторан, плюхнулся за свободный столик и крикнул официантке:

— Чаю с лимоном, котлету по-киевски!

«Только попробуй нахами,— думал Тишкин, со злостью глядя на официантку,— я такую жалобу напишу... Я до министра дойду... Будете помнить Тишкина!»

Но официантка Клава и не думала этого делать. Она была на редкость спокойной и ласковой женщиной. Плотная, румяная, коса до полу — вот такая была Клава.

Она быстро принесла Тишкину вкусную котлету, горячего чаю, улыбнулась, положила нож с вилкой и сказала:

— Ешьте на здоровье.

После этого она села в углу и, отмахиваясь от ресторанного дыма, стала смотреть на странного посетителя.

Клава была вдова. Ее бывший муж сильно пил и курил махорку. Однажды, напившись и накурившись, он попал под электричку. Клава думала, что все мужчины такие.

Тишкин поел, согрелся, успокоился и посмотрел на официантку. Она ему понравилась.

— Я уже поел,— сказал Тишкин.

— Может, что еще принести? — предложила Клава.

— Какао,— попросил Тишкин.

Тишкин выпил какао и опять посмотрел на Клаву. А она — на него. Тишкин смотрел, и она нравилась ему все больше.

— Я уже поел,— сказал Тишкин осипшим голосом и почувствовал, что влюбился.

— Может, еще что надо? — ласково спросила Клава.

— Вас как зовут? — спросил Тишкин.

— Клава...

— Выходите за меня замуж, Клава! — сказал Тишкин и посмотрел ей в глаза.

А она — ему в глаза.

— Вы что же, не пьете? — недоверчиво спросила Клава.

«Ну, вот, пропал»,— с отчаянием подумал Тишкин и хотел уже соврать: пью, мол, по воскресеньям... Но не смог.

— Нет,— смущенно покачал он головой.

— И не курите?

Тишкин опять покачал головой.

— Господи, неужели такое бывает? — воскликнула Клава и ответила согласием.

Они обменяли свои комнаты на отдельную квартиру и зажили очень хорошо.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

(Продолжение. Начало на стр. 3, 4)

Гражданин Богданов, беспартийный, женатый, ранее судимый, был в подпитии. На взводе. В кураже. Он сидел за столом, подперев кулаками голову, и смотрел на пустую поллитру. Его душили слезы.

— Никто меня не уважает,— говорил Богданов, и голос его булькал в горле, как вода в отверстии раковины,— никто! Никто даже не поглядит, что я человек! А ведь я — он! Который с большой буквы. Об этом еще Алексей Максимович сказал. Эхма! Будь он сейчас живой, я б его спросил: «Максимыч, ты меня уважаешь?» И он бы ответил: «Да, Богданов, очень!» А почему? А потому, что я тоже — этот. Поэт. Где-то. В своей сущности. У меня душа такая. Крылатая. Как захочется чего-то, так будто пропеллер за спиной вырос — взял бы да и полетел. Как Карлсон. Кнопку на пузе нажал и — вжиг! — в магазин за чекушкой. Кр-расота! Но никто во мне этих способностей не признает. Даже жена! А я докажу. Дайте только развернуться! Люди!!! Вы меня слышите?!

Но гражданину Богданову никто не ответил. Тогда он, оскорбленный в лучших своих чувствах, решил идти в народ. Чтобы уж точно узнать, уважает он гражданина Богданова или нет.

Хлопнув дверью, недооцененный поэт вышел из дому. На столе продолжала тлеть забытая сигарета...

Из документов:

«...16 июля 1974 года в поселке Новоселка, Молоковского района, Калининской области, сгорел дом гр. Богданова и 12 соседних. Ущерб — 13 175 рублей».

(Продолжение следует на стр. 9)

Мих. КАЗОВСКИЙ

ЗВЕЗДА ЭКРАНА

Он был красив, как бог Аполлон после финской бани. Его волосы цвета батона за 28 копеек курчавились на высоком лбу. Лоб он время от времени остужал холодным оконным стеклом. Он мучился. Он терзался душой. Он курил сигарету за сигаретой. Дым обволакивал его стройную, как у манекена, фигуру. Дым валил из его тонких ноздрей и из-за ровного ряда зубов, которые он три раза в день чистил пастой «Поморин». Он купался в дыму, он растворялся в нем, и было понятно без слов, что любимая его бросила, что она не поняла его тонкого внутреннего содержания и что теперь он, пустив на ветер целый блок сигарет «Ява», добьется в жизни таких недосягаемых высот, какие ей даже и не снились. А может быть, все еще кончится хорошо, и не нужно будет достигать высот, потому что неблагодарная вовремя одумается, постучит к нему в дверь, и они, взявшись за руки, побегут наперегонки между березок или по берегу моря.

Но пока он остужает лоб стеклом и курит. И мы ему сочувствуем. Мы давно знаем, что если кино-, театро- или телеперсонаж берет в рот папиросу, то это неспроста. Это значит: наступил такой момент, когда режиссер хочет показать, что его герой может еще и думать. По большому счету. Что теплится в нем где-то интеллектуальная жилка, которую он умеет никому не показывать. Что кроме того, как целоваться посреди улицы, обсыпать любимую снегом или осенними листьями и чинить ей случайно сломанные каблуки, герой способен еще кое на что. На что конкретно, никто не знает. Ни сценарист, который об этом умолчал. Ни режиссер, который сигаретой стремится дотянуть сценарий до совершенства. Ни тем более артист, который делает бесплодные попытки сыграть психологическое самокопание. А мы, зрители, разгадываем все это сквозь густую завесу табачного дыма.

Но курят не только лирические герои. Курят и остальные. Каждый старается вместе с выдыхаемым дымом передать свой непростой, волнующий духовный мир.

Вот он, могучий, несгибаемый мужчина, не самой первой молодости, но уже с завидным жизненным опытом,— директор фабрики, начальник главка, председатель колхоза. И у него, несмотря на очень правильную позицию, тоже бывают минуты отчаяния. Душевного кризиса. Стресса. Когда уходит жена, хулиганит сын, не вытанцовывается план. У Шекспира действующие лица в таких местах рыдали. Рвали на себе волосы. Травились ядом, душили, фехтовали. Современный герой внешне спокоен. На его волевом лице не дрожит ни один мускул. Выражать эмоции жестами он не будет. Он сильной рукой достанет пачку «Беломорканала», разомнет в сердцах папиросину, продует, закурит и затянется так глубоко, что даже в зрительном зале начнут кашлять. И все. И мы уже понимаем, что не испугается он трудностей. Новую жену найдет. Сына в ГПТУ устроит. И план даст. Только так.

А в какое сизое марево погружаемся мы, зрители, устроившись перед экраном телевизора, чтобы посмотреть несколько серий детективного фильма! Здесь изображаются поголовно курящие люди. Во-первых, следователь. Наш человек. Чуть что, он сразу берет сигарету в зубы и начинает дымить. Уже пепельницы накаляются и трескаются от окурков, а он все думает. Улики выискивает. Чтобы накрыть жулика одним махом. А жулик (бандит, шпион) курит совсем по-другому. Пока он на воле, то дым пускает элегантно и непринужденно, порой даже колечками. В ресторане, под сомнительную музыку, угощает своими заграничными «Кентами» красивых, но нехороших женщин. Пользуется папиросницей с музыкой. Сорит табаком направо и налево. Когда же жулик (бандит, шпион) уже пойман или, во всяком случае, основательно влип, то манеры его резко меняются. Бегающими глазками стреляет он по сторонам и неровно пыхтит дешевеньким «бычком». Сам чувствует, что его часы уже сочтены.

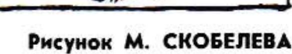
Мы не делали социологических опросов. Мы не бегали с микрофоном по улицам и не просили ответить на вопрос: «Из-за чего вы начали курить: по примеру родителей, друзей, после посещения кино?» Мы не располагаем точными данными. Но нам кажется, что, глядя на блистательно-стандартного героя, который красиво пускает дым в глаза публике, руки сами собой тянутся к папиросе и зажигалке.

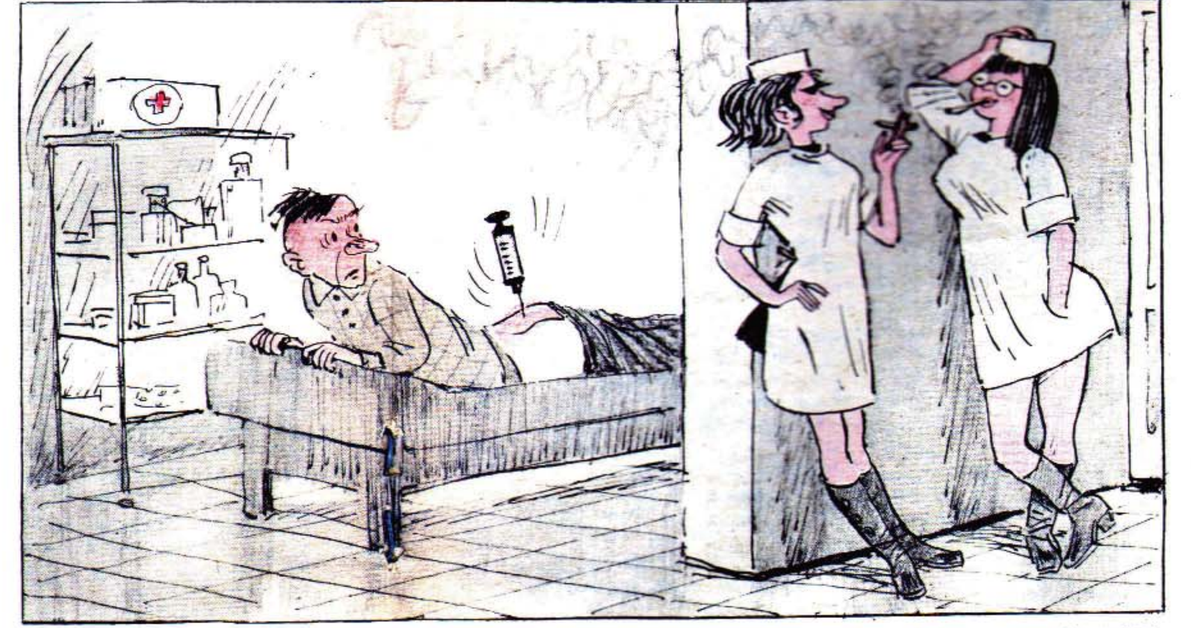
Но, боже упаси, мы не против ничего такого. Мы только против штампов. Мы против навязших в зубах трафаретов, от которых уже мутит. Мутит, как школьника, который первый раз в жизни затянулся сигаретой.

Если бы перекуры были возможны...

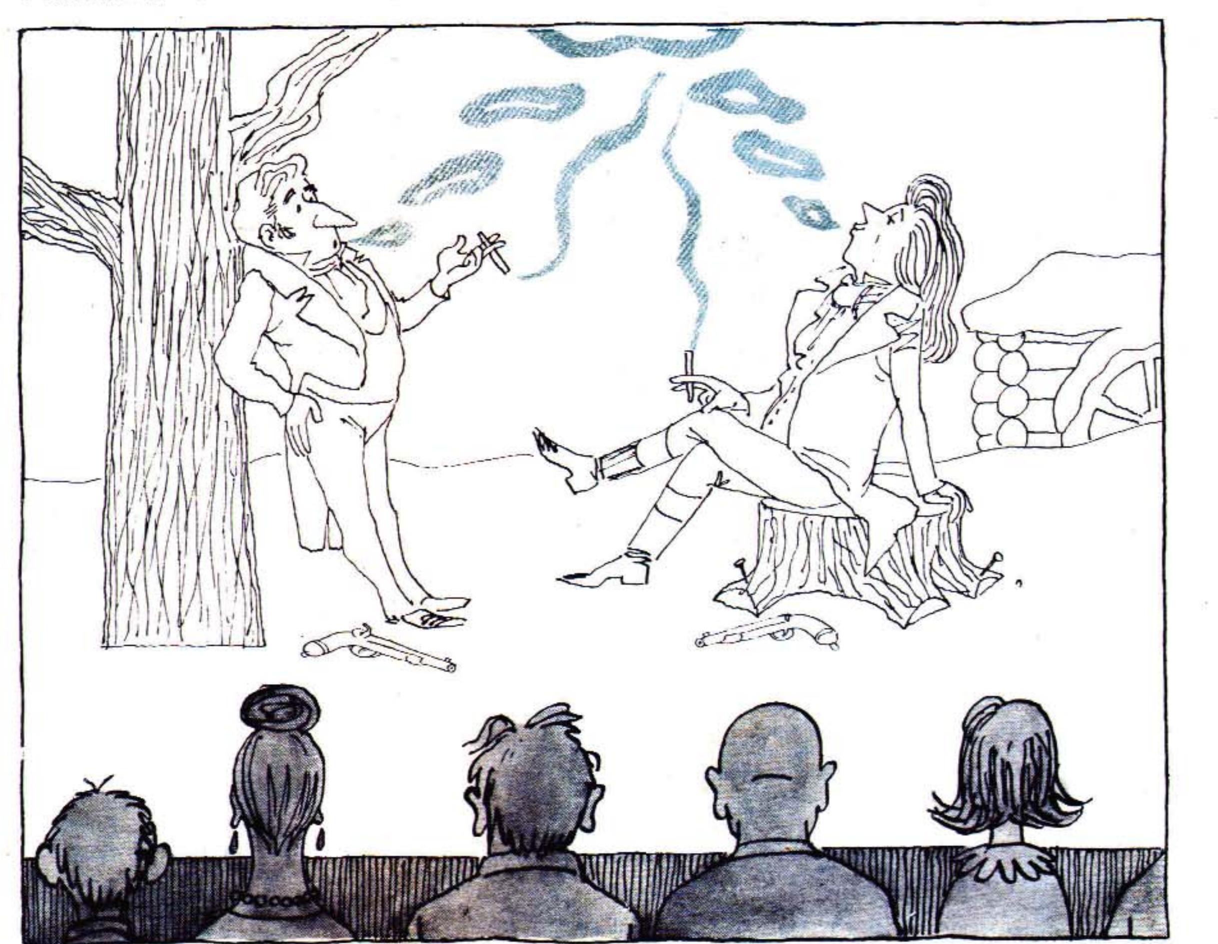

у пожарных

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

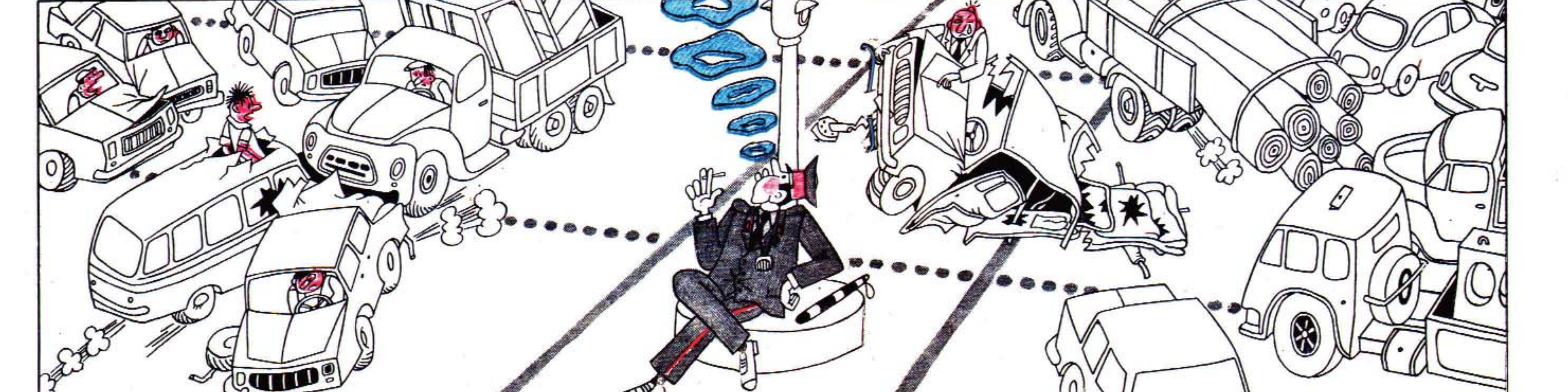
в поликлинике

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

в театре

Рисунок Е. ГУРОВА

на уличном перекрестке

Рисунок В. ШКАРБАНА

Л. ЕФИМОВ, специальный корреспондент Крокодила

ПЕПЕЛ ВРЕМЕНИ

«Курить разрешается!»
В. Тузов (из неопубликованного).

Поначалу может показаться, что взгляды тов. Тузова на употребление табака лишь ниспровергают основные противопожарные догматы. Между тем они будят мысль и ведут ее от частного к общему.

Чего же такого надумал тов. Тузов в области курения, что позволило вынести его слова в эпиграф?

Исходя из того, что время необратимо, он предлагает начисто запретить перекуры, связанные с остановкой маховика производства. В то же время, по Тузову, должно быть дозволено употребление табака на рабочих местах, исключая, конечно, зоны повышенной возгораемости. И я невольно представил себе, как по всей необъятной промышленной сфере, где крутятся мириады карусельных, долбежных и волочильных станков, враз полыхнули прикурочные огоньки. Жуть берет, если смотреть на вещи в их привычном противопожарном разрезе!

Нет, тов. Тузов не огнепоклонник. Более того, он пожарный. Между тем тов. Тузов подошел к проблеме курения не как метафизик. Он подошел к ней как диалектик. Ибо, с одной стороны, огонь есть форма движения материи, которую он должен повсеместно пресекать. С другой же стороны, если с целью перекура ты выпускаешь из рук зубило, лекало или стило, то необратимые рабочие минуты улетучиваются вместе с субтильным сигаретным дымком.

Из окна кабинета, где работает тов. Тузов, начальник пожарной охраны Киевского завода электронных вычислительных и управляющих машин, виден фосфоресцирующий циферблат неба, и по нему неумолимо бежит секундная стрелка бытия.

Итак, курить или не курить?

Я приехал на завод не за тем, чтобы с хронометром, бутербродом и списком заядлых курильщиков укрыться в засаде из стружек. Не за тем, чтобы хватать каждого проходящего мимо за фалды с целью последующей идентификации личности.

Подробности были не нужны. Потому, что за дверью, отмеченной черным мужским профилем, оказались холмы окурков, как захоронения безвременно ушедших минут.

Жива курилка!

Вот сигарета, развернутая во времени: две с половиной минуты до курилки, пять на перекур и две с половиной на возвращение к станку. Вот время, развернутое в сигаретах: ежедневно на заводе испепеляется около двадцати пяти тысяч сигарет, или двести пятьдесят тысяч рабочих минут.

Если же представить себе одну затяжку в масштабе страны... Но где вы, социологи? Где факты, осмысленные на уровне теории? Ведь тов. Тузов не более чем скромный покоритель огня. И его табачные изыскания — лишь от высокого чувства гражданственности.

Не думай о секундах свысока! Потому что все подвержено влиянию времени, включая само время. И электронно-вычислительная машина, которая когда-то делала лишь десятки операций в секунду, теперь способна на миллион. В итоге одна затяжка сегодня стоит заводу дороже, чем вчера, а завтра будет стоить дороже, чем сегодня. Так что в то время, когда слесари тт. Кожемяченко, Ларин и Лапин вышли из распахнутой двери 22-го цеха, чтобы в три сигареты засорять биосферу, они нанесли ущерб развитию электронно-вычислительной техники в целом.

Говорят, что социальное зло — это неумеренное употребление водки, а табак только во вред самому себе.

Конечно, человек, который выкурил целый блок «Примы», не отображается в милицейских протоколах УВД города Киева как автор поступков, «позорящих человеческое достоинство и общественную нравственность». Ибо у него нет намерения в рабочее время взобраться на телевышку, страхуясь исключительно подтяжками. Или постичь своим лбом сопромат при попытке пройти сквозь железобетонный столб. Но часть общественно полезного времени, в течение которого можно варить сталь и собирать ЭВМ, данный трезвенник тоже обращает в пепел.

Запретить перекуры вообще? Ввести «бездымный закон»? Но тогда начинают курить в рукав или суют окурки в промасленную ветошь.

И говорит тов. Тузов, утверждая основные противопожарные догматы:

— Не будем смотреть на вещи сквозь дым заблуждений. Когда курение будет происходить не за дверью с черным профилем и не по методу «в рукав», а на виду у всего цеха, с ним будет даже легче бороться. Потому что нет курильщика, который не мечтал бы бросить курить. В чем ему нужно всемерно помочь.

Конечно, решить эти проблемы не под силу тов. Тузову одному. Не под силу и передовому заводу в целом, где, кстати, и секретарь парткома тов. Новосельцев, и начальник 22-го цеха тов. Бурячек, и мастер слесарного участка тов. Моренко придерживаются подобных же взглядов. Здесь явно нужны социологические, гигиенические и психологические исследования, проведенные в масштабах отрасли. А может быть, даже и всей страны.

— Закурим? — говорит ваш корреспондент, развязно щелкая зажигалкой в непосредственной близости от маслянистых тряпок.

— Играете с огнем,— отвечает тов. Тузов, собираясь штрафовать. Ибо то, что еще не разрешено, то запрещается.

И я смотрю на фосфоресцирующий циферблат неба, по которому неумолимо бежит секундная стрелка бытия.

Пепел истлевшего времени стучит в сердце нашей экономики!

Киев.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

(Продолжение. Начало на стр. 3, 4, 7)

Из телефонного разговора.

— Але! Марусенька, ты меня слышишь?

— Что? Что? Ничего не слышно!

— Марусенька, это я, Федя!

— Кто? Федя? Какой Федя?

— Да я, брат твой, Федя. Из Некрасовки.

— Федя?! Что случилось, дорогой? Кто-то умер?

— Пока нет, Марусенька, но скоро умрет.

— Кто?!

— Я, Марусенька.

— Ты-ы? А что с тобой, Федя, милый, родной?

— Есть хочу, сестричка. С голодухи пухну. Пришли чего покушать.

— Ничего не пойму. Ты говори толком-то!

— Да здесь у нас такие дела! От самокрутки — понимаешь ты? — от самокрутки столовая сгорела. Я теперь на сухом пайке. Маруська! Не оставь братана! Пожалуйста!..

Из материала Главного управления пожарной охраны МВД СССР:

«...в с. Некрасовка, Хабаровского района, Хабаровского края, сгорела столовая Дальневосточной птицефабрики. Ущерб — 29 788 рублей...».

(Продолжение следует на 10 стр.)

Мэлор СТУРУА

Рекламный фимиам

На прямой вопрос, поставленный, как говорится, не в бровь, а в глаз: «Курят ли в Америке?» — отвечаю столь же прямо, без всяких околичностей:

— Да, курят!

Я знаю об этом из первых рук. Мог бы и из первых губ, да сам некурящий. Но видел собственными глазами и, конечно, обонял. Собственным носом. Благо он у меня — без хвастовства — как у ростановского Сирано де Бержерака.

В Америке курят все: миллионеры и нищие, белые и черные, мужчины и женщины. Так что по части курения у них Декларация независимости и конституция с поправками к оной скрупулезно соблюдаются. Свобода, Равенство, Братство... Да, по части курения в Америке царит полный мир — классовый, расовый и даже половой, в смысле мира между полами.

С женщинами, правда, до последнего времени были некоторые сложности. До сих пор американский конгресс не ратифицировал закон, полностью уравнивающий в правах пол сильный и слабый. Женщины борются. Курильщицы по крайней мере добились явного успеха в битве за равноправие с курильщиками. В рекламе сигарет «Вирджиния слимз» это обстоятельство подчеркивается весьма недвусмысленно. На ней изображены две девушки. Одна в несуразном платье прошлого века, «без ничего» в зубах, другая — вовсе «без ничего» (бикини не в счет), но зато с сигаретой в зубах. С сигаретой марки «Вирджиния слимз», разумеется. Кстати, «слим» в переводе с английского означает «стройный». А под девушками подпись: «Какой долгий путь пришлось проделать тебе, бэби!». Вон как стройно все получается. И покупательница «Вирджинии слимз» начинает чувствовать себя не просто курильщицей, а суфражисткой, борцом за эмансипацию женщин.

Для того, чтобы люди курили табак, необходимо, чтобы реклама курила фимиам табаку. И она, будьте уверены, курила. Да что там курила! Дымила, как паровоз. Основные доходы от этой рекламы текли в кассы печати и телевидения из кисетов табачных монополий. Реклама была броская, но грубая, не изощренная. Кури, мол, и дай курить другим.

Но и рак легких делал свое дело. Рак легких стал самым распространенным явлением в Соединенных Штатах Америки после жажды наживы и инфаркта миокарда. Когда раковые заболевания приняли характер общенационального бедствия, американская медицинская ассоциация в отчаянии завопила: живи и дай жить другим!

Поэтому было решено запретить рекламу сигарет в газетах и разрешить ее только в журналах. (Кстати, газеты в Штатах выходят малыми тиражами, Даже «Нью-Йорк таймс» до миллиона не дотягивает, зато журналы исчисляют свои тиражи многими миллионами.) Досталось и телевидению. Никакой голубой дымки на голубых экранах, если ее источают сигареты! — гласил закон. За телевидением осталось право рекламировать лишь сигары и трубочный табак.

Но и табачные монополии тоже не сидели сложа руки. Они немедленно наладили производство так называемых «сигарилло», то есть маленьких сигар. Телевидение их рекламирует — ведь это маленькие сигары! С другой стороны, на рынке появились большие сигареты — «кинг сайз», то есть королевских размеров. Их рекламируют журналы. Итак, баланс как будто соблюдается.

Американская медицинская ассоциация вскоре поняла, что ее водят за нос. Нос ее хотя и не был дебержераковским, но ассоциация тем не менее потребовала сатисфакции. Потребовала и получила в форме законодательства, которое обязывает телевидение выкраивать равное время для антитабачной рекламы, а табачные монополии — оплачивать ее из своих сверхприбылей.

И вот одни и те же художники и текстовики из одних и тех же рекламных агентств для одних и тех же телевизионных каналов по заказу одних и тех же табачных монополий создают сюжеты «за» и «против». Левая рука знает, что делает правая. Один рекламный ролик должен притягивать к зелью, другой — отталкивать. Поясню примером. Реклама «против»: человек курит, начинает кашлять, задыхается, появляется могильный холмик, а на нем крест. Изобретательно, не правда ли? Реклама «за»: красивый мужчина в фешенебельном салоне закуривает изумительную «сигарилло», и, вдохнув ее аромат, к нему льнет умопомрачительно роскошная леди. Тоже, конечно, не Шекспир, но влечет больше, чем могильный холмик.

Кроме рекламных сюжетов «за» и «против», имеются еще сюжеты уклончиво-компромиссные. Так, например, на экране возникает таинственное нечто, напоминающее схему пылесоса. Вскоре с помощью дикторского текста мы постигаем, что перед нами фильтр новейшей конструкции, не пропускающий в легкие ну ни чуточки никотина. Вот поди и разбери подтекст подобной рекламы — за она или против?

Нет равенства и в печатной рекламе, хотя и здесь формально все сбалансировано. Передо мной обложка журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Во всю обложку — красочная реклама сигарет «Сэйлем». Два здоровенных парня плывут по реке и курят этот самый «Сэйлем». Сверху огромными буквами написано: «Сэйлем» освежает естественным путем». Внизу мелким шрифтом набрано: «По решению генерального хирурга[1] курение сигарет опасно для вашего здоровья». Силы неравны — реклама распевает во все горло, медик-гномик едва пищит. Кого лучше слышно?

Реклама табачных изделий в Америке шагает в ногу со временем. Сейчас американцы особенно озабочены проблемами, связанными с загрязнением окружающей среды. Экологическая паника гонит людей из городов на лоно природы. О'кей, говорят рекламщики, это мы учтем. И вот почти все табачные рекламы последнего времени малюются на фоне девственной натуры. Реклама сигарет «Мальборо» в журнале «Ньюсуик»: горная речка, ковбой в лихо заломленной шляпе поит в ней лошадь. Надпись: «Пожалуйте туда, где ароматно пахнет. Пожалуйте в страну Мальборо».

Помимо экологии, в качестве приманки используются секс, а также тщеславие, скупость и другие человеческие пороки. Реклама «Винстона» жмет на секс. Мужское и женское тела. И надпись: «Между нами лишь «Винстон».

Пример игры на тщеславии: «Данхилл» — самые изысканные сигареты в мире». Пример игры на скупости: «Ротманс» — самые лучшие сигареты, которые только можно приобрести за деньги».

Ну, что могут противопоставить такой рекламе Американская медицинская ассоциация и генеральный хирург, набранные петитом? Так что со здоровьем американских курильщиков пока дело плохо[2].

Итак, в цитадели современного империализма курят. Курят почем зря. Почем — точно не знаю. Табачные монополии держат свои бухгалтерские книги за семью замками. А то, что зря, это уж точно...

[1] Генеральный хирург — титул главного санитарного врача министерства здравоохранения США.

[2] Автор сознательно отказал себе в удовольствии покаламбурить на тему «дело — табак». Зная наперед, что весь номер журнала будет посвящен курению, мы побоялись невольно лишить когонибудь из наших собратьев по перу приятной возможности обыграть симпатичную поговорку.

Я — за!

Слово заядлого курильщика

Такое мнение в народе —
Те, кто не курит, говорят:
«Долой курение! Мы — против!
Куренье — зло. Куренье — яд».
Что ж, лучше, чем глотать отраву,
Ходить дышать озоном в парк!
Об этом высказался здраво
Писатель Твен, который Марк.
Кому охота — брось! Не спорю.
Пусть их похвалят за почин.
А если глянуть глубже, в корень,—
Курить есть множество причин.
И потому я не бросаю
И бросить мне курить не след,
Что куревом себя спасаю
От неприятностей и бед.

То мастер мой дерет вдруг глотку,
Что я, мол, выпить не дурак,
Что в понедельник пахну водкой
И вся моя работа — брак.
Кричит, что, дескать, меры примут...
Что сделано — возьми да брось!
Ну, промолчишь. Закуришь «Приму»,
А... ничего! Сойдет, небось!

Возьмем историю иную:
Как подбодрить упавший дух,
Когда играешь «семерную»
И остаешься вдруг «без двух»!
Тебя в два счета обыграют...
Беда!.. Чего там говорить!
Тут просто сердце замирает...
И как же тут не закурить!

То теща вдруг к тебе пристанет:
Костит твое житье-бытье...
Зудит, аж просто тошно станет.
Куда деваться от нее!
А выход есть. Чего же проще:
Все лезет не в свои дела!
А дым пустил... и нету тещи,
Рукой махнула и ушла.

Помылся... В зубы — сигарету.
Сидишь, блаженствуешь в дыму...
А если сигареты нету,
Тогда и мыться ни к чему!

В автобусе набедокуришь —
Орут все: «Хамство! Дикий нрав!»
Обидно. А потом закуришь —
И наплевать! Ты вроде прав.
Я не боюсь, что нервы треплют,
Лекарство у меня в руке —
Как закурю, они окрепнут,
Вся сила, значит, в табаке.
Во мне уверенность такая,
Что, не таясь, скажу в глаза:
Пускай другие отвыкают.
Я не согласен. Нет. Я — за!

Подслушал и записал
Бор. ЮДИН.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

(Продолжение. Начало на стр. 3, 4, 7, 9)

Да, продолжение, к несчастью, следует. Поставить на этом точку, как бы нам ни хотелось, нельзя.

Тлеющий окурок. Выпавшая у пьяного папироса. Не потушенная после прикуривания спичка. И продолжение следует в процессуальном порядке.

Полыхающие сараи, столовые, дома. Обезумевшие животные с костром на спине. Человеческие жертвы. Тысячи, десятки тысяч рублей ущерба. Встать, суд идет!

А ведь что нужно-то? Чуточку больше внимания: бросать горящую сигарету в урну, а не мимо. Чуточку меньше расхлябанности: не курить рядом с цистерной бензина. Чуточку меньше разгильдяйства: не засыпать под ватным одеялом с папиросой во рту. И, может быть, вовсе дурную привычку бросить...

А пока — продолжение следует.

М. ЗОРИН.

ОДИССЕЙ БРОСИЛ КУРИТЬ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Владимир ПОЛЯКОВ

В ДЫМУ НА КОЛЕСАХ

(Путевые заметки)

Пятница, шестое сентября 1974 года.

Часы показывают 19 часов 29 минут. С Савеловского вокзала отправляется электричка по маршруту Москва — Дмитров.

В моем кармане билет за 55 копеек. Я бегу на второй путь и еще успеваю вскочить в последний вагон. Тамбур туго набит людьми и наполнен табачным дымом. Стоящие впритирку пассажиры выдают салют из всех сортов папирос и сигарет.

Чуть было не задохнувшись в облаках дыма, я с трудом отодвигаю дверь и пробираюсь в вагон. Тщетно высматриваю свободное место. Наверное, у меня очень печальный вид. Потому что парнишка лет четырнадцати-пятнадцати со словами «садитесь, дедушка» уступает мне свое место.

В другой раз я бы, конечно, обиделся за «дедушку» что бы ни было, я себя таковым еще не считаю, но на этот раз я с радостью услышал эти жестокие слова и, сказав парню «спасибо», занял место у окошка.

Теперь я мог осмотреться. Явно, большинство возвращалось с работы домой. Кое-кто ехал на дачу, везя в сумках продукты. Здесь была молодежь с рюкзаками за спиной. Какой-то длинноволосый юноша причитал умоляющим голосом: «Товарищи, не сломайте мою гитару!».

Рядом со мной сидел охотник с ружьем в чехле и с грустной, задумчивой собакой средних лет, которую он держал в ногах, оберегая от толчков пассажиров.

Стоящий неподалеку молодой парень в замшевом пиджачке вынул из кармана пачку сигарет «Дымок», чиркнул зажигалкой и закурил.

— Товарищ, в вагоне курить нельзя, — внушительно сказала сидящая напротив меня пожилая женщина в темных роговых очках.

— Нельзя, а все курят, — ответил парень.

Я посмотрел, и увидел десятки зажигающихся сигарет, и почувствовал знакомый запах. По вагону гулял никотин. Дым, как болотный туман, застилал вагон. Дышать было почти невозможно даже мне, человеку, который, можно сказать, сегодня уже курит в счет 1980 года. Может быть, впервые в жизни я почувствовал неприязнь к курящим.

— Товарищ, — обратился я к мужчине лет сорока, зажавшему в руке дымящуюся папироску. — Может, вы думаете, что доставляете удовольствие другим пассажирам?

— Я об этом не думал.

— А если подумать?

— Не могу я думать, я сейчас отдыхаю. — И он сделал глубокую затяжку.

— Благодарю вас, — сказал я и обратился к читающей газету даме: — А вы как думаете?

— Я сама не курю, и, когда вижу папиросу, меня аж в дрожь кидает. У меня муж курит, сын курит, а на прошлой неделе и дочка начала. Из дому убежать хочется. Только вне дома и отдыхаю, но, оказывается, и здесь дышать нечем.

— Моя фамилия, с вашего позволения, Капусткин. Вениамин Антонович. Студент, — вступил в разговор парень в замшевом пиджачке. — Если вы интересуетесь, почему я курю, могу вам ответить. Это — мое личное дело. Я отравляю себя по собственному желанию. Врачи пугают: никотин способствует раковым заболеваниям, а я вот курю с рождения и, как видите, здоров.

Я брал интервью, а вагон наполнялся дымом, и уже не было видно, у кого брать интервью.

Ко мне с трудом протиснулась контролер.

— Что это у вас делается? — спросил я.

— А что? Я ничего не вижу из-за дыма. Все безобразничают, на полу грязь, а что я могу сделать? У меня у самой голова кругом идет. Разве они послушают, курильщики? Хотела милиционера пригласить для популярного объяснения, да ни я не могу выйти, ни он войти. Время такое — час пик.

Контролер вынула из кармана папиросу и закурила.

В какой вагон?

Это не обычный поезд. Это поезд Харьков — Власовка, но это еще полбеды. Еще когда-то в нем появился неписаный закон: первый и последний вагоны — для курящих. Потом вагоны стали еще и для картежников (в «очко» там режутся), а потом уже и водку распивать принялись по ходу дела.

Но и это еще не вся беда.

Теперь от первого до последнего все вагоны — как один: все в них дозволяется.

Вот я и думаю-гадаю, что мне теперь делать — в карты выучиться играть или курить напропалую. Иначе в этом поезде ехать прямо как-то неприлично.

И. ЕВДОКИМОВ.

г. Харьков.

М. СЕМЕНОВ

КАК Я БРОСИЛ КУРИТЬ

Начну с того, что до тридцати лет передо мной эта проблема вообще не возникала. Я не забивал свою голову мучительными вопросами: бросить — не бросить, а если бросить, то как? Не одолевал знакомых и незнакомых людей, уже прошедших через это испытание, расспросами о том, трудно ли им было, как они сейчас себя чувствуют, на сколько килограммов прибавили в весе и не считают ли теперь себя суперменами? Я не охотился за сверхлюксовым куревом с тройной угольной очисткой, не тренировал свою волю (десять сигарет в день — и баста!) и не доставал через друзей модные зарубежные антиникотиновые средства. Ничего такого, повторяю, со мной не было. Вероятно, это объяснялось не только беспечностью, свойственной молодости, но отчасти еще и тем, что я еще не курил.

Лишь после того, когда впервые в жизни наглотавшись табачного дыма и проснувшись рано утром совершенно разбитым, с больной головой и воспаленным горлом, я твердо решил, что с этим делом надо кончать, пока не поздно. Надсадно кашляя, я пошарил рукой на столике в надежде найти стакан с недопитым чаем и наткнулся на... оставленную приятелем пачку «Примы». Я закурил сигарету и почувствовал, что мне сразу стало легче.

Потом это знакомое всем курильщикам чувство облегчения я испытывал много раз:

после того, как предназначенную моей семье однокомнатную квартиру какой-то волшебник превратил в одну комнату в квартире коммунальной;

после взбучки, полученной от вышестоящего начальства просто так, за здорово живешь;

после того, когда я дрожащими руками вынул из воды половину лески, а преогромный карп с оборванной другой половиной отправился гулять по просторам Истринского водохранилища...

И так далее.

Жизнь ставила мне подножки, угощала тычками и подзатыльниками, а Главтабак в лице его широчайшей розничной сети бесперебойно готовил бальзам для моих ран, ссадин и шишек. Впрочем, перебои случались.

Как всякий заядлый курильщик (оказывается, стать заядлым очень легко!), я пристрастился только к одному сорту сигарет, а именно к «Краснопресненским». Один их вид (мягкая упаковка ярко-красного цвета) заставлял сердце учащенно биться, как при встрече с шедевром искусства или феноменом природы. И все потому, что «Краснопресненские» вдруг надолго исчезали из продажи, и это оборачивалось для меня настоящей трагедией. Чтобы обезопасить себя, я обзавелся знакомствами во многих табачных магазинчиках. Если бы какой-нибудь знакомый хоть один раз увидел, как я, перегнувшись через прилавок, шепчусь с продавщицей, он мог бы подумать черт знает что! А ведь я крутился вокруг этих женщин всего-навсего из-за блока «Краснопресненских»! Я получал эти блоки на именины, иногородние друзья присылали их мне по почте и привозили из служебных командировок. Я мечтал о том времени, когда наше общество добьется полного обилия предметов потребления и прежде всего, конечно, сигарет «Краснопресненские».

Когда мне показалось, что этот желанный момент близок и я дошел до потребления двух с половиной пачек в сутки, что-то в моем дымоперегонном аппарате разладилось. На кашель я стал тратить времени значительно больше, чем на сам увлекательный процесс накачивания легких подогретым дымом. Мои прежде неутомимые ноги начали заметно сдавать, в особенности на тысячеметровке, и мне не раз приходилось сходить с дистанции. Вообще с дыханием и резвостью было неважно, как у рака, слишком увлекшегося сухопутными прогулками.

Короче говоря, я вступил в период мучительных поисков, втянулся в жестокую полосу принятия суровых решений. Как примерно все это происходит, я уже рассказал в начале данных заметок. Но кое-что следует добавить.

Когда моя участь заядлого курильщика обсуждалась на семейном совете, жена спросила:

— Ты можешь сказать, почему ты куришь?

Конечно, я ничего толкового сказать не смог.

— Как ты не понимаешь, мама,— вступила в разговор наша взрослая дочь,— курение дает ему нервную разрядку, переключает умственное напряжение в иную плоскость.

Жена немного подумала и сказала:

— Мы найдем ему другие переключатели, не такие зловредные.

И снабдила меня двумя пакетиками: в одном были леденцы, в другом — орешки.

— Как только станет невмоготу, положи в рот леденец и не захочешь курить,— проинструктировала меня жена.

Надо ли говорить, что леденцы и орешки довели мою суточную сигаретную норму до трех полных пачек!

Пришлось мне прибегать к разным хитростям и уловкам. Например, в субботние и воскресные дни я пропадал в кино, на многосерийных фильмах. Или сразу же после завтрака снова заваливался в кровать, поскольку во сне, как и в кино, у нас пока курить не принято. Я очень полюбил места, где вывешены огромные транспаранты «Огнеопасно» (заправочные станции, керосинные лавки, бумажные склады и т. д.), и часто посещал их, впрочем, без какой-нибудь конкретной практической надобности.

Как долго продолжались эти муки и терзания, сказать трудно. Но вот однажды...

Да, однажды я проснулся с необыкновенно ясной головой, без стягивающего ее железного обруча. Я откашлялся и уже не обнаружил в горле кошки, которая регулярно каждое утро запускала когти в мои голосовые и иные связки. Во рту не было горечи, схожей с той, какая обычно скапливается у верблюда, сжевавшего во время завтрака очередную копну степной полыни.

Что-то со мной стряслось накануне. Я больше не курил.

Отелло душит Дездемону (современный вариант).

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

— Единственный выход — устроить новый всемирный потоп.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Т. ЛОСКУТОВА

РАВНОПРАВИЕ

Нынешние врачи ничего не знают. Раньше много умирали от рака? То-то же. Чахотка, грудная жаба — пожалуйста. Раньше, может, и слова-то такого не знали. А как слово открыли, так и началось. А еще можно все на курение сваливать.

Возьмите меня. Я через что в больницу попала? А это с какой стороны посмотреть. Доктор говорит, что через курение, а я считаю, что через эмансипацию.

Женщина с мужчиной у нас давно сравнялась. А что ей это равенство? Равенство — штука шаткая: там пятьдесят и здесь пятьдесят. А нам, женщинам, его, мужчину, еще и переплюнуть нужно. Точнее, перекурить.

Вон в газетах беречь мужчин как-то посоветовали.

Как начали они себя беречь, так и попали в ловушку. Курить впопыхах побросали. Тут уж мы, женщины, забрали инициативу в свои руки и задымили вовсю. И сразу перевес на нашу сторону. Теперь женщины, те, кто раньше не курил,— курить научились, те, кто раньше курил,— курить продолжают, а те, кто не научился,— тоже курят, кашляют, задыхаются, глаза под прическу заводят, а курят. Потому что равноправие — штука соблазнительная.

Теперь в хирургии, в палате лежу. Курю. То есть в данную минуту не курю: сигареты кончились. Ничего, сейчас кто-нибудь из больных мимо пойдет,— стрельну.

Ага, вон ковыляет. Сейчас откашляется, попрошу. Ох, кашляет как, сердечный... Ну, ну, закатился... Остановился около ординаторской... Прикуривает... Нет, не может, руки дрожат. С чем это его, кашлюна, привезли? С ногой, наверное, вон еле ногу волочит... Эй, дяденька! Разве не дяденька? Катя тебя зовут? Ба, и впрямь, девка! То-то я смотрю, он в халате, а не в пижаме шастает. То есть она, Катя.

С чем же тебя привезли, красавица? Затемнение в легких находят?

Ну-ка, подойди поближе... А ты не слушай их, не слушай, голуба.

Выдумают тоже. Что? Рентген делали? Там, там, небось, темно было, в кабинете-то. Вот и вышло затемнение...

Курить запрещают? Ты меня слушай... Или тетю Зину, няню ночную. Ей вот чирей на пальце вскрывали. А отчего чирей, спрашивается? А врач-то и не знает. Что, съела? А она, тетя Зина, и не курила сроду. Диалектика, брат. Сестра то есть. Нет, диалектика— это не болезнь. Ну, как тебе попроще сказать? Неизбежность вроде. Вроде как ни крути, а все там будем. Мне вот доктор, бородатый, говорит: «Курить бросай». Я же что для него? Язва я для него. И не подтвердившийся панкреатит. Или холецистит. Хотя нет, кажется, перитонит. Вот видите? Язву нашел, тромбофлебит нашел, склероз нашел, облитерирующий эндартериит нашел, инфильтрат легкого нашел. А холецистита не нашел. И не найдет. Нету у меня этого... панкреатита. Бросай, говорит, курить, бабушка, легкие у тебя все насквозь черные, язва величиной с арбуз и цвет лица какой-то убийственный.

А я-то знаю, у меня все это, во-первых, не от курения, я просто что-то нехорошее съела. А во-вторых, никакая я ему не бабушка — мне в день советской милиции только тридцать исполнится. А в день Парижской коммуны стукнет тринадцать лет, как курю. И ничего. А тут — на тебе, язва...

Да сам он это... перитонит.

Подумаешь, голос, говорит, как труба... Да у самого, небось, тоже не флейта. Да я, может, без такого голоса и руководить на работе не могла бы. У штукатуров я бригадир. Ведро извести, кстати, знаешь, сколько весит? Почему мужская работа? У нас все равны. Женщина и в космос летает и на железной дороге наравне с мужчинами вкалывает. Женщина кто нынче? Движущая сила, венец творения, значит.

Кстати, про венец. Недавно я на свадьбе гуляла, Клава, моя подруга, замуж вышла. Что-то долго она за Лешкой ухаживала. Цветы дарила, духи всякие — мужчина нынче разборчивый пошел. Предложение ему раз пять делала, все капризничал.

То, говорит, хозяйка плохая — ни гвоздя, говорит, вбить не можешь, ни электричества починить. Ну, ничего, научилась. Трехмесячные слесарные курсы прошла, бенгальский язык выучила, экстерном технику безопасности на высоковольтных линиях электропередач прошла. да еще с сантехником два раза в неделю на дому занималась. А жених снова в амбицию. Зарплата, говорит, у тебя маленькая. Клава тоже не промах — на полторы ставки перешла. Со мной на стройке работает и в юридической консультации юристом на полставки подрабатывает. Тут Лешке и деваться некуда. Как шелковый стал. Курить бросил. Клава говорит, не к лицу это мужчине в наше время. И правда, цвет лица у него розовый образовался, сам мечтательный такой стал и голос нежный, как у тургеневской девушки.

Таким голосом и слова-то убедительного не скажешь. Зато голос убедительный у Клавы стал. Как начала она вместо Лешки курить, так и не подступись к ней. Так убедит, что не обрадуешься!..

А доктора от бессилия все на курение сваливают. Вот в Актюбинске, говорят, случай был: пришел один к зубному врачу, а тот ему здоровый зуб выдернул.

Хирург мой бородатый сам-то не курит, а все трубку в зубах держит. Я в трубку заглянула, а там пусто, ни огня, ни табака. Для форсу, значит. Чтобы уважали. Чтоб с нами, с женщинами, сравняться. А я ему все равно резать не дамся. Я там дамочку одну, тоже хирурга, заприметила. Она сигары «Белинда» курит, у этой скальпель в руках не дрогнет. Входит она в операционную. Там студентки стоят, курят, волнуются перед операцией. Ассистентка сразу две папиросы прикуривает: себе и службе наркоза. Санитарка в углу козью ножку крутит. Вошла хирург и как гаркнет. «Подать,— говорит,— сюда больного!» А больной-то давно на операционном столе лежит, «Опал» курит. Только в дыму не видно его. И в том же дыму одна вертихвостка стоит, некурящая, от дыма кашляет. Как хирургша ей в лицо своей «Белиндой» пахнула, та сразу в обморок. Даже больной от наркоза очнулся, дайте ей воды, говорит. Ну разве можно таких к больным допускать?

Что же это мы с тобой, голуба, всю пачку твою выкурили? Ну и дела! Ты мне вот что скажи: что полезнее для организма — белый налив или антоновка? Я, знаешь, все по науке люблю. Если сама себя не побережешь, никто тебя не побережет. Я и кушаю только то, что для организма полезнее. Пожалуй, все-таки антоновка — говорят, в ней железа больше...

А вот и Вася, муж мой разлюбезный, пожаловал. Ну, что, Вася, принес курево? Сыпь сюда пачки, в тумбочку... А те, что не лезут, прямо в кресло складывай. До завтрева хватит. А белый налив суй обратно. Санитаркам снеси. За то, что сигареты мне таскают, отблагодарить надо...

Москва,
Больница № 99. Палата № 313.

НАРОЧНО ПРИДУМАЕШЬ

«Сегодня в клубе художественный фильм — веселая кинокомедия с Де Фюнесом «Маленький курильщик».

(Афиша фильма «Маленький купальщик»).

Списал С. Кравченко, Куйбышевская область.

«Нетрезвый гражданин Бандура пытался всунуть колхозной корове Дорогуше горящую сигарету в зубы, отчего та погналась за ним и произвела укушение в место, находящееся между поясницей и обратной стороной колена».

(Из акта).

Прислал Р. Александров, Киевская область.

«А что касается курения, я вовсе не учил этому сына. Он взял пример с матери, которая научилась у старшей дочери».

(Из объяснения отца на заседании родительского совета школы).

Записала Ю. Борисова, г. Пенза.

«Когда у гражданина Багреева, хулиганившего, будучи в нетрезвом виде, изъяли «Дымок», он вел себя вызывающе и заявил: «Отберите лучше паспорт, он все равно просрочен».

(Из протокола).

Выписал Г. Сергеев, Свердловская область.

«Пачка самых лучших сигарет по утонченности вкуса не может заменить одной сигары».

(Реклама в табачном киоске).

Прислала Г. Базина, г. Сочи.

— Я не курю. Капля никотина убивает лошадь!

Рисунок С. СПАССКОГО

НЕ КУРИТЕ, МАЛЬЧИКИ!

Стихи Н. ЛАБКОВСКОГО
Музыка Б. МАНДРУСА

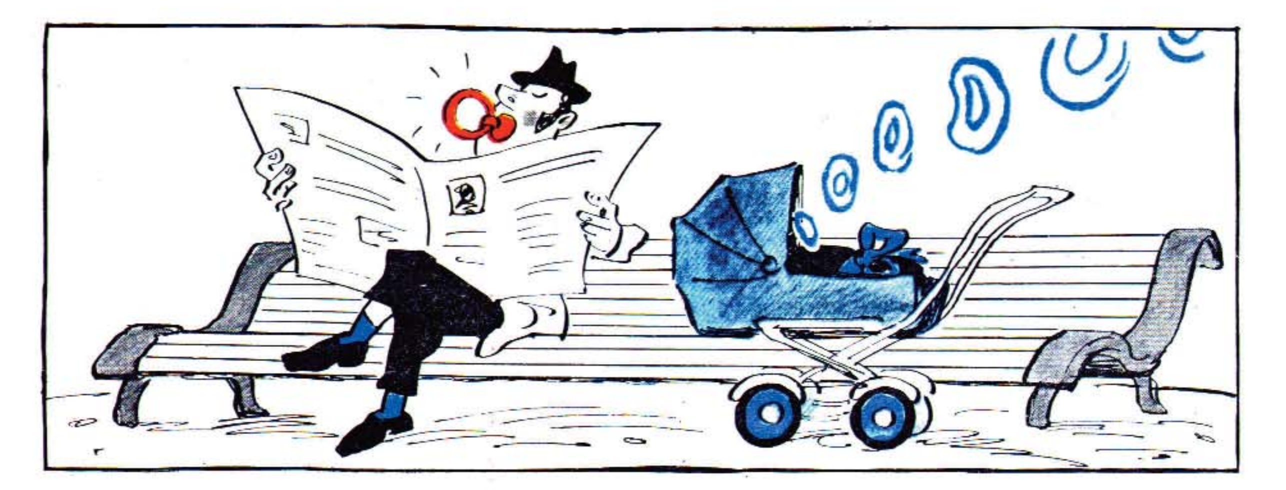

Возле леса, подле речки
Он курил, пускал колечки.
Мимо с песней шла принцесса,
Доносилась песнь из леса:
Не курите, не курите, мальчики!
Пожелтеют, пожелтеют пальчики.
Отвернутся,
Не вернутся
девушки.
Не по сердцу им,
Не по сердцу им,
Не по сердцу им
Табачный дым.

Он не дал пройти ей мимо,
Он за нею в клубах дыма,
А она ему, красуясь:
— Дымом не интересуюсь!
Не курите, не курите, мальчики!
Пожелтеют, пожелтеют пальчики.
Отвернутся,
Не вернутся
девушки.
Не по сердцу им,
Не по сердцу им,
Не по сердцу им
Табачный дым.

Быть любимым много слаще.
Стал теперь он некурящий.
С ней идет смирней овечки,
А на пальчиках колечки...
Не курите, не курите, мальчики!
Пожелтеют, пожелтеют пальчики.
Отвернутся,
Не вернутся
девушки.
Не по сердцу им,
Не по сердцу им,
Не по сердцу им
Табачный дым.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Власта СМРЖОВА
(Чехословакия)

Только не это!

Мужчина, которого я взяла бы себе в спутники и с которым жила бы душа в душу, должен быть молод и красив. В конце концов пусть будет даже некрасив, лишь бы он не был тучным. Да и это неважно, только бы у него не было лысины.

А вот если у него будет чувствительная душа, так черт с ней, с лысиной Ведь и я уже не наливная ягодка.

Если же его душа не будет чувствительна, тогда спасет только одно — он должен уметь ремонтировать всякие домашние мелочи. Впрочем, понимаю, это уж я переборщила... Ну, ладно, тогда его спасет вот что: пусть он будет прилично зарабатывать.

А если не будет? Ну, тогда пусть уж по хозяйству помогает — умеет стирать, убирать, варить...

Допустим, что он и на это окажется неспособен. Что ж, тогда я удовольствуюсь тем, что научу его переобуваться в передней. А если не научу, тогда хотя бы отучу болеть за «Славию» — я ведь предпочитаю «Спарту»! Впрочем, бог с ним, в конце концов смирюсь и с этим. Согласна жить с ожиревшим, бесчувственным, бестолковым мямлей... Только одно не простила бы ему никогда: это курение! У меня на окошках такие миленькие, ручной работы вязаные занавесочки, что коптить их я не дам никому!

Перевела Л. ИВАНОВА.

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ
(Польша)

Послушный ребенок

Мы ужинали у Паташонских. Речь зашла об изящных искусствах.

— Отдай, сопляк, папиросы! — неожиданно сказал Беспальчик.

Паташонский-младший вылез из-под стола.

— Не говори так с ребенком,— сказала пани Соловейчик.— Оставь ему хотя бы несколько штук.

Юный Паташонский достал из кармана штанишек пачку сигарет. Он был явно сконфужен. В сущности, он был неплохой ребенок, и, если найти с ним общий язык, он готов идти на уступки.

— Здесь почти полная пачка,— примирительно сказал поэт Кошон.— Хватит на всех.

— Я лучше дам вам жевательную резинку,— сказал младший Паташонский.— Мятную. А то я не дымил с самого обеда.

— Не пойдет,— сказал Беспальчик.— Я не люблю жевательную резинку. Кроме того, курить вредно.

— Это точно,— сказала пани Соловейчик.

Младший Паташонский посмотрел на нее с недоверием.

— Серьезно? — спросил он.

— К сожалению, это так,— подтвердила пани Соловейчик.

— Ни для кого не секрет, что употребление сигарет вызывает множество болезней,— сказал поэт Кошон.— Ты не должен курить.

— Разве только если хочешь болеть,— сказал Беспальчик.— Задумайся над этим.

— И как можно быстрее,— посоветовал поэт Кошон.

Младший Паташонский выглядел глуповато. Столько информации свалилось на него сразу. Но он извлек пользу из нашего урока.

Минуту спустя мы поняли, что переборщили. Младший Паташонский бросил всю пачку в камин. За это он получил несколько подзатыльников, но нам не стало легче. Нам нечего было курить весь вечер.

Перевел Л. НАУМОВ.

Прочитав книгу про индейцев, сын спрашивает отца:

— А почему, заключая мир, индейцы выкуривали трубку мира?

— Потому что после двух-трех затяжек у них уже не оставалось сил воевать.

●

В зале ожидания вокзала дежурный делает замечание курящему мужчине:

— Здесь курить нельзя, мсье.

— А где же мне выкурить сигарету?

— В курительной комнате или в комнате матери и ребенка. Там так накурено, что вряд ли кто будет протестовать.

●

— Слушай, с тех пор, как ты познакомился с Ирэн, ты перестал пить и курить. Неужели ты сделал это ради нее?

— Да.

— Как ты ее любишь! Но почему же ты не женишься на ней?

— Что ты! С такими достоинствами я теперь могу найти жену получше, чем Ирэн.

●

— Что ты делаешь?! Ты хочешь папиросой отпереть дверь?

— Разве? Значит, я выкурил ключ.

●

«Карузела», Польша.

Едва поезд тронулся, он достал сигарету и собрался закурить, как вдруг заметил настороженный взгляд соседки по купе.

— О, простите,— сказал он,— я не спросил у вас разрешения...

— Не стесняйтесь,— сказала она,— чувствуйте себя, как дома.

— Как дома? — вздохнул он, положил сигарету обратно в пачку, а пачку — в карман.

Иштван ХИДАШИ
(Венгрия)

Надежное средство

— Ты знаешь, Пали бросил курить, а, между прочим, выкуривал он по сорок сигарет в день,— сообщила мне жена.

— Здорово, черт побери! Неужели у него такая сильная воля?

— Как бы не так! Ему помог табекс.

— Что?

— Табекс, тебе говорят. Это — новое средство против курения. И знаешь, средство вовсе не дорогое — всего пятьдесят четыре форинта. Нужен только рецепт.

Всю ночь мне снилось, как я бросаю курить и становлюсь сильным и здоровым. Сон был такой завлекательный, что наутро я был у врача, и он, почему-то пожав плечами, выписал мне рецепт.

Купив препарат, я внимательно прочел инструкцию. Указания были несложными. Первый день надо принимать по таблетке каждые два часа. Затем постепенно уменьшать дозу.

Первую таблетку я принял у кафе «Эмке». Через десять минут уже сказался эффект. У меня появились возвышенные мысли: никогда больше я не закурю, даже видеть не желаю сигареты!

У кафе «Астория» я занервничал. Важно не пропустить время — в инструкции сказано, чтобы ни в коем случае не нарушать интервалы. Поэтому я зашел в кафе, заказал рюмочку коньяка и стал смотреть на часы. Время тянулось удручающе медленно, и мне пришлось заказать еще рюмочку. Время пошло значительно быстрее, и я занервничал еще больше: того и гляди пропустишь указанный срок! Чтобы успокоиться, пришлось закурить.

Через несколько дней я определил опытным путем, что интервала между приемами таблеток мне хватает как раз для того, чтобы выкурить пять сигарет. То есть намного больше, чем до табекса.

Нет, сказал я себе, так дело не пойдет. Никаких кафе, нужна привычная учрежденческая обстановка.

Я взял из дома будильник и поставил его на стол рядом с арифмометром. Тут же надо мной стали подшучивать:

— Ты лучше скажи, когда тебя разбудить!

— А где твоя подушка?

Я так разозлился, что тут же закурил...

На следующий день я снова пошел к врачу, который выписал мне табекс.

— А знаете,— сказал он,— я могу порекомендовать вам еще одно средство.

— Тоже импортное?

— Нет, отечественное. Вот, пожалуйста.

Я взял рецепт и посмотрел на него. На листке были написаны всего два слова: «Сила воли».

Перевела Е. ТУМАРКИНА.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Дикобраз», Чехословакия.

«Карузела», Польша.

КРОКОДИЛ ХОТЕЛ БЫ ПОМОЧЬ...

Когда номер «Крокодил дает прикурить» был полностью подготовлен, все его авторы собрались в бывшей курительной комнате, срочно переоборудованной в кефирную. Усевшись, где кому придется, художники и литераторы запаслись кефиром и, лениво помешивая ложечками в стаканах, стали думать:

— А что же дальше?

И решили, что данный случай особый и рубрика «Крокодил помог» просто так, автоматически не появится, если многие учреждения и ведомства не захотят помочь самому Крокодилу. Ведь один в поле не воин, а зловредная привычка курения укоренилась всюду. Чтобы уменьшить это зло, нужно принять радикальные меры:

на производстве и в учреждениях;
в торговле и общественном питании;
на транспорте;
в школах и вузах;
на улицах и скверах;
в учреждениях культуры.

Следовательно, решили участники коллективного обдумывания, надо ждать деловых откликов от многих министерств и ведомств.

— Ну, а как должен откликнуться сам читатель, рядовой, так сказать, курильщик? — спросил кто-то.

И все ему хором ответили:

— Бросить курить!

Тут же было внесено предложение обнародовать фамилии первых десяти читателей, внявших голосу рассудка и после ознакомления с номером журнала сделавших для себя радикальные выводы. В дальнейшем имена и фамилии лиц, бросивших курить, заносить в прошнурованную «Антиникотиновую книгу Крокодила», которая будет храниться вечно.

С этими предложениями согласились все участники встречи.

КРОКОДИЛ
№ 29 (2111)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Жаринов, Д. Куликов, К. Невлер, И. Норинский, Р. Самойлов, Ю. Степанов, Ю. Черепанов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/IX 1974 г. А 00869. Подписано к печати 9/X 1974 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 550 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 301 650). Изд. № 2216. Заказ № 2840.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.